

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ СЛАВЯН

М.И. Жих

Российско-немецкий исторический семинар

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

<http://orcid.org/0000-0003-2212-6416>

SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается проблема происхождения и начальных этапов истории славян. В ходе расселения индоевропейцев их восточная (сатемная) группа, археологически соответствующая культурам боевых топоров (шнуровой керамики), после ухода носителей индо-иранских диалектов на восток, положила начало балтийско-славянскому языковому континууму, охватившему территории от Северной Польши до Волго-Окского междуречья. В рамках балтийско-славянского языкового континуума возникло два «полюса», между которыми существовала широкая полоса промежуточных диалектов разного уровня взаимной удалённости, и происходило «притяжение» и перераспределение диалектов: условный «славянский полюс» и условный «балтийский полюс». В дальнейшем «славянский полюс» притянул к себе и поглотил большую часть диалектов балтийско-славянского континуума, а на «балтийском полюсе» произошла консолидация и сложение восточно-балтийских языков (литовского и латышского). Поскольку пра-славянский язык наиболее близок пра-прусскому, он должен был располагаться в западной части славяно-балтийского ареала. Формирование в VII-VI вв. до н.э. двух культур: культуры западнобалтских (самбийских) курганов к востоку от Вислы и поморской (померанской) культура к западу от Вислы было археологическим отражением размежевания пра-славян и пра-пруссов. В дальнейшем носители поморской культуры мигрировали в Повисленье (где сложилась культура подклёшевых погребений) и в Поднепровье (где сложилась зарубинецкая культура). По всему пути их миграции формируются памятники, ведущие к достоверно славянским культурам раннего средневековья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: славяне, этногенез, археология, лингвистика, индоевропейцы, балто-славянская проблема.

THE EARLY HISTORY OF THE SLAVS

Maksim Zhikh

The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT

The article deals with the problem of the origin and the early stages of the history of the Slavs. In the course of expansion of Indo-Europeans, their eastern (satem) group, archaeologically corresponding to the Battle Axe cultures (an offshoot of the Corded Ware culture), split, and the carriers of Indo-Iranian dialects migrated eastward, while the rest laid the foundation for the Baltic-Slavic linguistic continuum covering territory from Northern Poland to the Volga-Oka interfluvium. Within the Baltic-Slavic linguistic continuum, two «poles» emerged – nominal Slavic and nominal Baltic – and a variety of intermediate dialects with diverse levels of mutual differentiation, and «gravitation» and redistribution of the dialects occurred. Eventually, the «Slavic pole» dragged in and absorbed most of the dialects of the Baltic-Slavic continuum, and the «Baltic pole» consolidated and formed Eastern Baltic languages (Lithuanian and Latvian). As the Proto-Slavic language is the closest to the Proto-Prussian, it must have been spread in the western part of the Slavic-Baltic area. Evolving of two cultures in the 7th – 6th centuries B.C. – the Western Baltic (Sambian) Mounds culture east of the Vistula and the Pomeranian culture west of the Vistula was an archaeological reflection of demarcation of the Proto-Slavs and Proto-Prussians. Subsequently, the carriers of the Pomeranian culture migrated to the Vistula basin (where the so-called culture of «under-the-hood» burials [cinerary urns covered with inverted wide-mouth clay vessels] sprang up) and to the Dnieper region (where the Zarubintsy culture formed). Along the entire route of their migration, monuments are spread that are attributable to authentically Slavic cultures of the early Middle Ages.

KEYWORDS: Slavs, ethnogenesis, archaeology, linguistics, Indo-Europeans, Balto-Slavic problem.

Проблема происхождения и начальных этапов истории славян является одной из ключевых и наиболее дискуссионных в славистике (обзор историографии см.: Седов 1979: 7-16; 1994: 5-59; Русанова 1993: 5-15; Назин 2017: 4-13).

Отправной точкой в поисках истоков славянства является вопрос об исторических условиях его выделения из индоевропейской среды. Формирование славян как особой этноязыковой группы было не событием, а процессом. Б.А. Рыбаков предложил условно разделить процесс формирования славянской этноязыковой общности на три этапа: (1) Языковые предки славян, то есть ещё не разделённые носители индоевропейских диалектов с их общей исторической судьбой; (2) Протославяне, то есть выделившиеся из индоевропейской среды носители прото-балто-славяно-германских диалектов (северная группа индоевропейцев) с их общей исторической судьбой, среди которых находился и тот диалект, которому в будущем предстояло стать пра-славянским языком; (3) Праславяне, окончательно обособившиеся в самостоятельную этноязыковую единицу, бывшие носителями того языка, которому в дальнейшем предстояло стать предком всех существующих славянских языков (Рыбаков 1981: 146-153; 214-284).

Принимаю «теоретически» эти выделенные Б.А. Рыбаковым периоды славянского этногенеза, мы расходимся с ним в их конкретно-исторической атрибуции.

I. ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДКИ СЛАВЯН

Большинство археологов, а с недавних пор и генетиков, связывают становление индоевропейцев с рядом степных неолитических культур от Днепра на западе до Урала на востоке (самарская, хвалынская, среднестоговская, ямная) (обзор историографии о прародине индоевропейцев см.: Загорюльский 2012: 50-73). Развитие скотоводства в этом регионе привело к одомашниванию лошади, военное значение которой было довольно быстро осознано индоевропейцами и дало им серьёзное преимущество в бою. По мере развития скотоводства, повышается уровень агрессивности и военизованности индоевропейского общества, что было вызвано необходимостью пополнения стад и расширения пастбищ, естественным средством которых представлялись набеги и завоевания. В индоевропейской популяции возникла и закрепилась терпимость к лактозе, давшая свободу в употреблении молочных продуктов, что способствовало увеличению их роста и физической силы. Мясомолочная диета сделала среди индоевропейцев относительно редким явлением кариес, распространённый у европейских неолитических земледельцев.

Всё это, по мнению сторонников данной гипотезы, в период энеолита-бронзового века привело к началу масштабных последовательных индоевропейских миграций, охвативших значительную часть Евразии, в ходе которых индоевропейцы завоевали огромные пространства и, одержав победы над многими народами, уничтожили целый ряд культур и заместили собой предшествующие европейские популяции (Gimbutas

1994: 13-135; Гимбутас 2006: 385-444; 2021: 41-59; 2021a: 18-30; Anthony 2007; Anthony, Ringe 2015; Haak et al. 2015; Загорюльский 2012: 50-73; Петров 2019).

Учитывая доминирование гаплогруппы R1a у восточной части индоевропейских народов, а гаплогруппы R1b у западной части индоевропейских народов, что хорошо коррелирует с ареалами «сатемной» и «кентумной» групп индоевропейских языков, можно предположить, что расселение индоевропейцев, видимо, шло двумя потоками, в одном из которых преобладали носители мужской гаплогруппы R1a («сатемные» языки, культуры боевых топоров, освоение Восточной и Северной Европы, а также миграционный путь на восток вплоть до Индии), а в другом носители мужской гаплогруппы R1b («кентумные» языки, культура колоколовидных кубков, освоение Западной Европы). Возможно, ещё в «степной» период своей истории индоевропейское общество было в рамках дуальной организации разделено на две фратрии. Поскольку мужской состав фратрий обычно стабилен, в то время как жёны берутся из другой фратрии, это могло привести к разделению индоевропейцев на две лингвистические группы («кентум»-«сатем»), с преимущественно «полярной» концентрацией мужчин с разными гаплогруппами в каждой из них: гаплогруппы R1a в «сатемной» группе и гаплогруппы R1b в «кентумной» группе (об универсальности дуальной организации в древних обществах см.: Золотарёв 1964)¹.

II. ПРОТОСЛАВЯНЕ

По мнению сторонников «степной» теории в ходе вторжения индоевропейцев в Восточную и Центральную Европу ими были разрушены трипольская культура², культура шаровых амфор и культура воронко-

- 1 А.А. Клёсов считает индоевропейским только миграционный поток с характерной для мужчин гаплогруппой R1a (при этом он отрицает его степное происхождение и предполагает совершенно иной путь миграции) и оспаривает принадлежность к индоевропейцам миграционного потока, среди мужчин которого была распространена гаплогруппа R1b, полагая, что эти люди говорили на других языках и мигрировали другими путями, а их индоевропейизация имеет вторичный характер (Клёсов 2015; 2017). Учёный обращает внимание на то, что исследованиями палео-ДНК пока у носителей ямной культуры не обнаружена гаплогруппа R1a и преобладающий в Западной Европе субклад гаплогруппы R1b (P312), а только Z2103. Однако на данный момент протестировано лишь небольшое количество ископаемых останков «ямников», соответственно, дальнейшие исследования вполне могут выявить у них и гаплогруппу R1a и «западноевропейский» субклад гаплогруппы R1b. Таким образом, для окончательного подтверждения или опровержения степной теории индоевропейской прародины необходимо исследовать как можно больше ископаемых останков носителей ямной культуры и предшествующих ей степных культур. На данный момент, на наш взгляд, признание обоих этих миграционных потоков (как носителей гаплогруппы R1a, так и носителей гаплогруппы R1b) индоевропейскими лучше объясняет совокупность исторических и лингвистических фактов, так как позволяет объяснить происхождение и расселение носителей как сатемных, так и кентумных индоевропейских языков, в то время как при отказе носителям гаплогруппы R1b в индоевропейской принадлежности вопрос происхождения кентумной группы языков (италийские, кельтские, германские, греческий) повисает в воздухе.
- 2 Иную картину предполагает А.А. Клёсов: по мнению учёного, наоборот, именно трипольская культура и была исходной точкой для арийских миграций на восток (Клёсов 2017: 58-66, 75-82). Но на данный момент у её носителей обнаружены только гаплогруппы G2a и E.

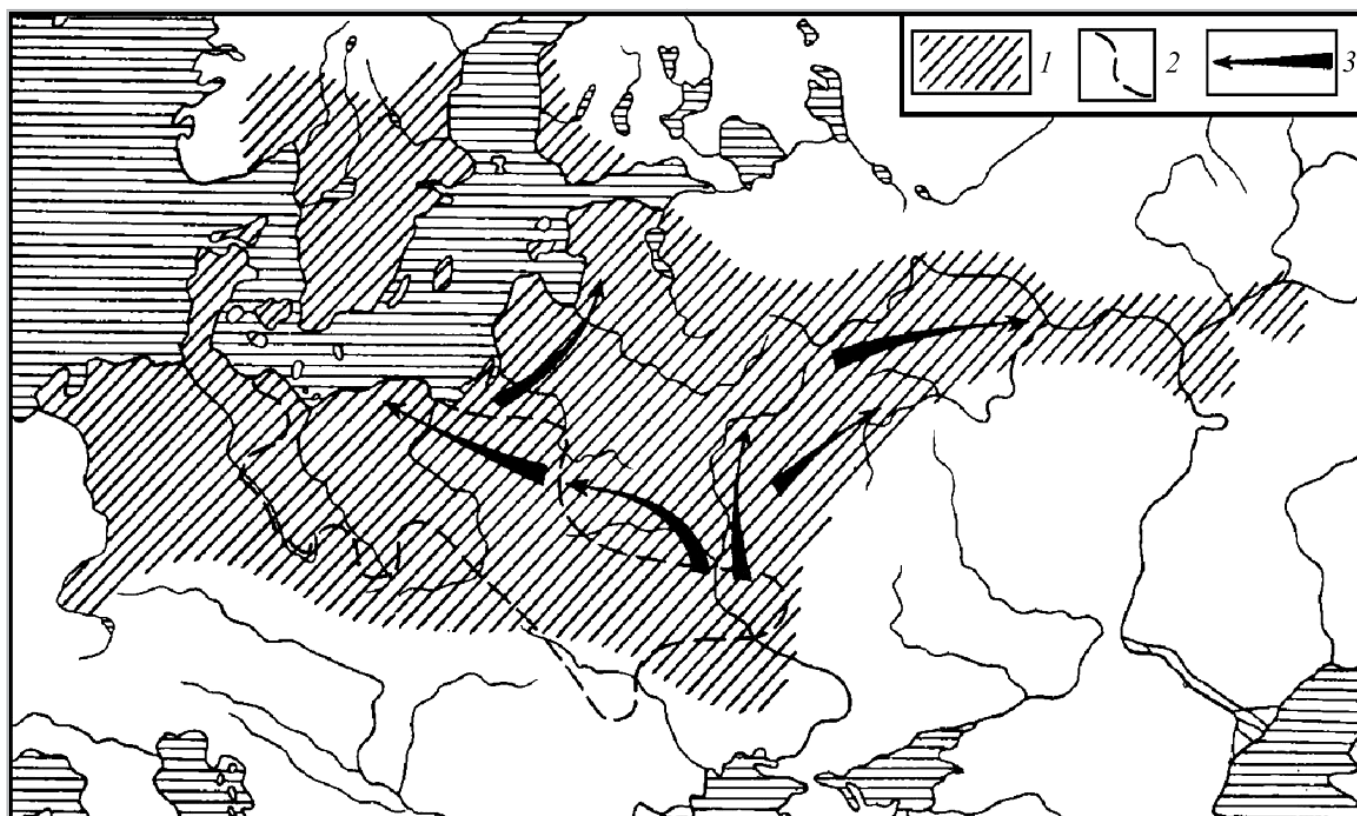

Рис. 1. Распространение культур боевых топоров (Загорюльский 2012: 68)

видных кубков (Петров 2019: 175-206), а на огромной территории от Рейна на западе до Среднего Поволжья на востоке и от Швейцарии на юге до Южной Скандинавии и Финляндии на севере складывается в III тыс. до н.э. культурная общность боевых топоров (или шнуровой керамики) (Гимбутас 2006: 433-435; 2021: 41-59, 95-101; Брюсов 1961: 14-33; Третьяков 1966: 63-94, 102-107; Эпоха бронзы 1987: 35-84; Загорюльский 2012: 77-80) (рис. 1).

Культуры боевых топоров получили своё название по характерному для них атрибуту – каменному топору, который обычно сопровождал мужские захоронения. Такой топор был с одной стороны грозным оружием, а с другой, важным культовым атрибутом (даже когда в реальной жизни каменное оружие давно уже было вытеснено оружием из металла, славянская традиция приписывала богу-громовержцу Перуну каменный топор и каменные стрелы: Даркевич 1961: 91; Рыбаков 1981: 418; Прозоров 2009: 168-169). Второе название, культуры шнуровой керамики, они получили по распространённому орнаменту в виде вдавливания от шнура или верёвки, нанесённому на сырую глину. Распространённым типом погребений в культурах боевых топоров была восходящая к традициям ямной культуры индивидуальная могила по обряду труположения с возведённым над ней курганом. В основе хозяйства носителей культур боевых топоров лежало скотоводство, в его северном, лесном варианте с важной ролью свиноводства, что вело к регулярным перемещениям людей и не способствовало оседлой форме быта.

На основании совпадения археологических и гидронимических данных, общность носителей

культур боевых топоров давно была сопоставлена археологами и лингвистами с северной группой индоевропейцев, представители которой говорили на различных прото-балто-славяно-германских диалектах (Горнунг 1958: 58; 1963: 51-75; Гимбутас 2021: 41-59, 95-101; 2021a: 18-30; Брюсов 1961: 32-33; Третьяков 1966: 108-112, 190-196; Эпоха бронзы 1987: 75; Седов 2002a: 21-28; Загорюльский 2012: 74-96; Петров 2019: 187-223). Ныне эти выводы нашли своё полное подтверждение при анализе палео-ДНК останков «шнуровиков»: у них были обнаружены образцы мужской гаплогруппы R1a с линиями, предковыми по отношению к современным славянским и балтийским (Клёсов 2017: 66-74; Петров 2019: 191-196)³.

В дальнейшем на западную часть ареала культур боевых топоров (территория современной Германии) наложилась культура колоколовидных кубков, отражавшая другой индоевропейский миграционный поток (очевидно, носителей прото-итало-кельтских языков), что привело к отрыву западной части «шнуровиков» от прото-балто-славян (вероятно, ещё до распространения таких объединяющих балто-славян и индо-ариев инноваций как сатемизация и правило РУКИ; или же прото-германский язык утратил соответствующие черты в результате «западного» влияния) и формированию группы протогерманских диалектов, занявших проме-

³ По самым последним данным среди ископаемых останков носителей фатьяновской культуры обнаружены представители индо-иранской ветви R1a-M417 (Saag et al. 2020), соответственно, культуры боевых топоров могут быть археологическим соответствием сатемной группы индоевропейцев как таковой. В дальнейшем индо-иранцы передвинулись дальше на восток (синташтинская культура), а носители балто-славянских языков остались в Центрально-Восточной Европе.

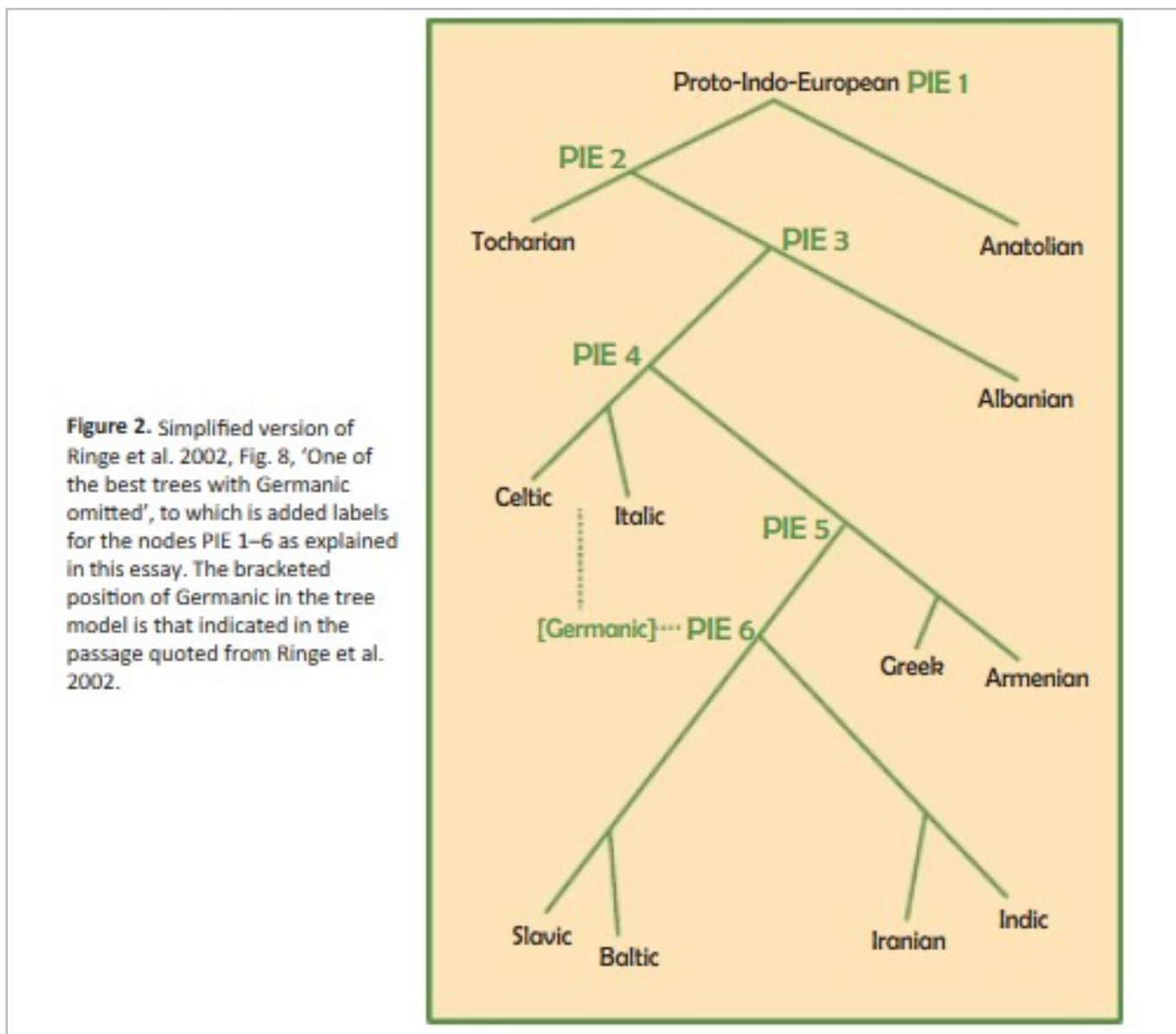

Рис. 2. Индоевропейские языки и место среди них германского

жуточное положение между прото-балто-славянскими и прото-итало-кельтскими диалектами⁴ (рис. 2).

С отпадением прагерманской диалектной группы произошло обособление балто-славянского диалектного континуума. Как подчёркивал Ю.В. Откупщиков «очень важно отметить качественное отличие балто-славянских от большинства других индоевропейских лексических изоглосс. Здесь обычно мы имеем дело с цельюлексемными, а не с корневыми соответствиями, причём совпадают во многих случаях не отдельные формы слов, а целые “пучки” словообразовательных и словоизменительных форм. Так, изоглосса

ст.-слав. нести – др.-греч. ἐνεϋχεῖν ‘нести’, конечно же, не может быть поставлена в один ряд с соответствиями типа нести – лит. nesti, не говоря уже о большом количестве достаточно сложных производных, например: peš-a-m-ą-įą = нес-о-м-у-ю (винит, пад. ед. числа причастия)» (Откупщиков 1989: 44).

Проблема балто-славянских языковых отношений имеет длительную историю изучения и является остро-дискуссионной. Лингвистами было предложено пять основных моделей соотношения славянских и балтийских языков⁵: (1) Существовал общий пра-балто-славянский язык, который в дальнейшем распался на два языка: пра-балтийский (давший затем начало балтийским языкам) и пра-славянский (давший затем начало славянским языкам) (впервые гипотезу сформулиро-

4 Формирование германцев на основе смешения двух разных потоков индоевропейской миграции демонстрирует и характер распространения в Германии мужских гаплогрупп: если на востоке Европы у индоевропейцев преобладает гаплогруппа R1a (в границах с Германией на востоке Польше её доля ок. 57%), а на западе Европы у индоевропейцев преобладает гаплогруппа R1b (в границах с Германией на западе Франции её доля ок. 60%), то Германия представляет собой переходную зону с преобладанием потомков «западного» миграционного потока (культура колоколовидных кубков): доля R1b составляет ок. 40%, а доля R1a составляет ок. 15%.

5 Мы предпочитаем говорить «балтийский», а не «балтский». П.Н. Третьяков в своё время писал: «Не могу одобрить излюбленного В.В. Седовым прилагательного – “балтский”, употребляемого вместо традиционного – балтийский. “Балтский” – слово неблагозвучное, с четырьмя согласными подряд, оно звучит не по-русски. И потом, если быть последовательным, то и Балтийское море следует называть Балтским морем!» (Третьяков 1967: 118. Примеч. 14).

вал А. Шлейхер); (2) Пра-балтийский и пра-славянский – это два схожих между собой индоевропейских языка, которые, выделившись из праиндоевропейского, далее, независимо друг от друга, прошли параллельные, но близкие процессы в своем развитии (впервые гипотезу сформулировал А. Мейе); (3) Пра-балтийский и пра-славянский языки прошли сначала этап независимого развития, а затем сблизилась, что привело к формированию общности или изоглоссного ареала (впервые гипотезу сформулировал Я. Эндзелин); (4) Пра-балтийский и пра-славянский языки составляли языковую общность, затем разошлись, а затем вновь сблизилась (впервые гипотезу сформулировал Я. Розадовский); (5) Пра-балтийская модель является прототипом для праславянского языка, который образовался из периферийных балтийских диалектов (впервые гипотезу сформулировал В.Н. Топоров) (Трубачёв 2002: 19).

Принципиально важным является то обстоятельство, что степень близости между славянскими и балтийскими языками неодинакова. Наиболее близкими к славянским являются западно-балтийские языки. Как подчёркивал С.Б. Бернштейн «нет сомнений в том, что балто-славянская общность охватывала прежде всего праславянский, прусский и ятвяжский языки» (Бернштейн 1961: 34).

В.В. Мартынов отмечал «непропорционально (учитывая скудость прусских фактов) большое количество прусско-славянских лексико-грамматических инноваций» (Мартынов 1989: 38). Учёный выявил более сорока прусско-славянских изоглоссов, указывающих на их более близкую генетическую связь со славянским, чем с другими балтийскими и более двадцати прусско-славянских изоглоссов, для которых полностью отсутствуют параллели в других балтийских языках, подчеркнув, что поскольку «пруссский язык представлен незначительным числом небольших памятников письменности, эти данные следует считать достаточно внушительными» (Мартынов 1989: 39).

Разные варианты конкретизации исторических условий, определивших общепризнанную особую близость между пра-славянским и пра-пруссским языками, предлагались учёными в зависимости от их общих взглядов и, соответственно, носили подчас полярный характер. Так В.Н. Топоров считал, что «пока вопрос сводился к тому, что дают балтийские языки для прусского или прусский для балтийских, славянские факты поневоле оставались в стороне. Но, если выйти из этого узкого круга и отвлечься от предвзятостей, то окажется, что роль славянских лексических параллелей к прусскому языку исключительна (ср. хотя бы удивительные сходства в местоимениях, предложениях и префиксах, ряде других служебных слов, в словообразовательных элементах, именованном и т.д.)... проблема балто-славянского языкового единства в традиционном языковедении получила перекошенный вид, исключающий возможность правильных (или хотя бы верифицируемых), заключений, во-первых, из-за пренебрежения данными прусского языка, образующих, несомненно, переходную стадию между восточнобалтийским лингвистическим

типом и теми диалектами, которые, возникнув на основе балтийских периферийных комплексов, развились в то, что называют праславянским, и, во-вторых, из-за пренебрежения пространственно-временным аспектом этой проблемы» (Топоров 1980: 5-6).

Противоположную позицию сформулировал В.К. Журавлёв, по мнению которого, наоборот «есть некоторые основания полагать, что древнепруссский язык, языки ятвягов и голяди первоначально входили в протославянскую изоглоссную область, но позже, оторвавшись от нее, примкнули к балтийской (летто-литовской), возможно, явившись эпицентром иррадиации общепалтославянских процессов. В свою очередь, летто-литовский, вероятно, в какой-то период примыкал к прагерманской изоглоссной области, оторвавшись от нее, примкнул к балтославянской, был до новых встреч с германскими языками эпицентром иррадиации некоторых германо-общепалтских тенденций. Детализация и хронологизация перераспределения изоглоссных областей пока может быть лишь спорной – не установлена относительная хронология древнейших процессов, не установлена их иерархия, данные, добытые путем внутренней реконструкции на материале одного языка пока несопоставимы с данными другого языка или языковой семьи. Поэтому пока речь может идти лишь о принципиальной допустимости перераспределения изоглоссных областей».

Характеризуя пра-славянский язык, В.К. Журавлёв подчёркивал, что «праславянский язык, как, возможно, и любой другой праязык, вполне реалистично представить себе как изоглоссную область, как пространственно-временной континуум более или менее родственных диалектов, где действовали праславянские (или какие-нибудь иные для другой семьи языков) тенденции развития, обусловившие последовательную цепь процессов... В праславянскую (или в какую-нибудь иную праязыковую) изоглоссную область различные диалекты могли входить не одновременно, раньше или позже. Вполне вероятно, что те или иные диалекты, ранее входившие в данную изоглоссную область, могли выйти из нее, примкнуть к другой изоглоссной области, иногда не родственной. В такой «оторвавшейся» изоглоссной области будут действовать противоречивые процессы – свои старые и новые, идущие из эпицентров новой изоглоссной области (ср. сближение славянских и романских языков в балканском языковом союзе, сближение балтийских, славянских и финнских на территории Прибалтики, сближение индоевропейских, кавказских и тюркских в рамках кавказского языкового союза)» (Журавлёв 1968: 173-175).

Б.В. Горнунг пришёл к выводу, что «можно... допустить, что если даже и существовало когда-либо балто-славянское единство, оно «распалось» не на «общепалто-славянское» и «общеславянское» единства, а скорее на два других новых (относительных) языковых единства, которые условно можно обозначить как «протославяно-прусское» и «протолетто-литовское». К последнему единству, относились все диалекты, из которых позже путем перегруппировок, ассимиляций и слияний сложились латышский и литовский языки»; «После ухо-

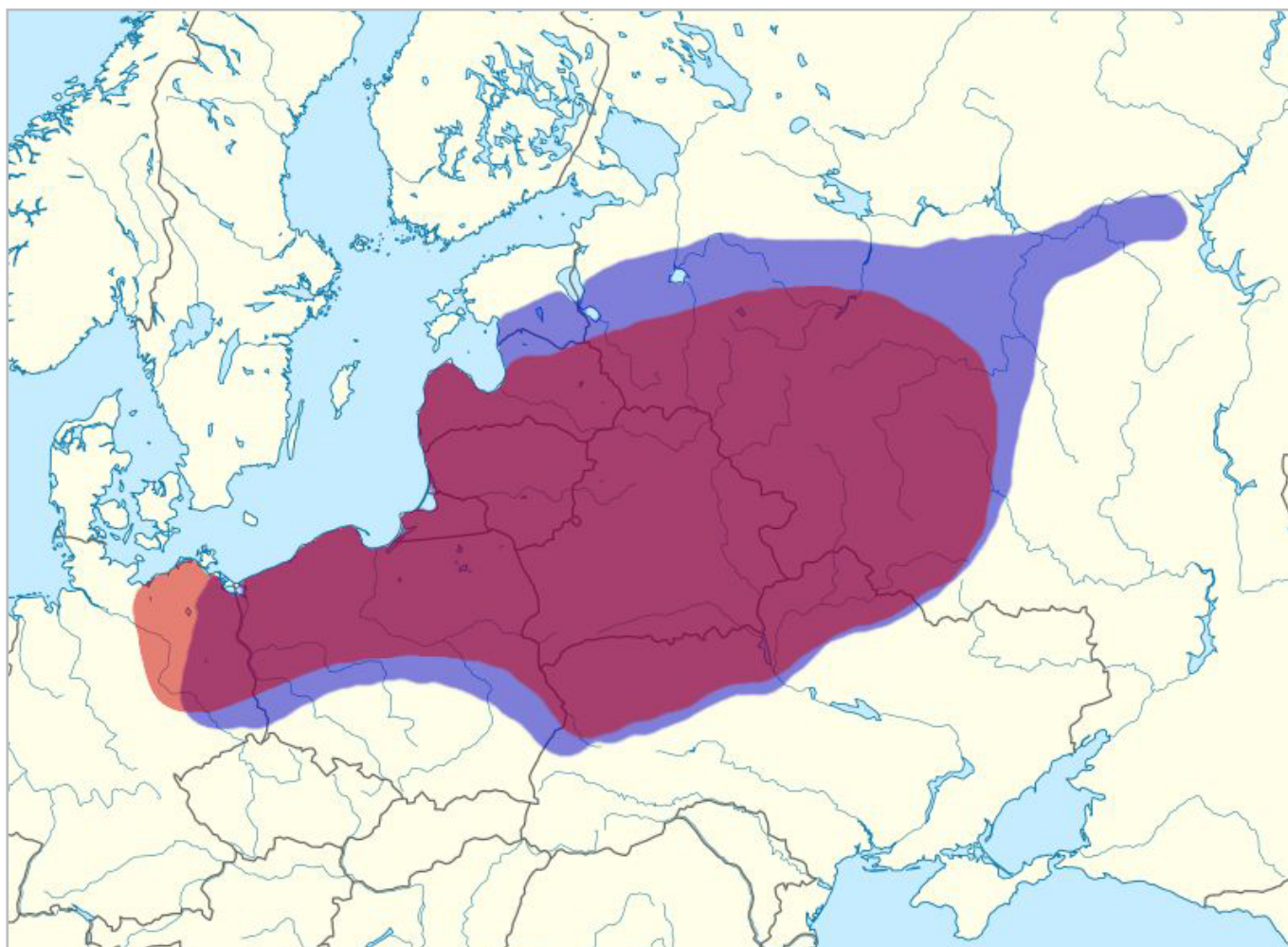

Рис. 3. Расселение носителей балтийско-славянских языков по данным лингвистики (красным) и археологии (синим)

да «протохарской» части «северо-восточных» индоевропейцев из Восточной Европы... остаток ещё не распавшейся «северо-восточной» индоевропейской диалектной зоны и можно считать тем общим источником, из многообразия говоров которого сложились, с одной стороны, «протобалтийские» диалектные группы (несколько, а не одна), а с другой стороны – те группы говоров, которые консолидировались в «протославянское» (условно «прото-прусо-славянское») относительное языковое единство. К этой эпохе надо, очевидно, отнести и образование сходных, но не тождественных акцентологических систем славянских и балтийских языков» (Горнунг 1958: 55-62. См. также: Горнунг 1963).

Развивая идеи В.К. Журавлёва и Б.В. Горнунга, можно предложить следующую модель. Существовал занимавший обширную площадь исторически изменчивый ареал родственных диалектов, который можно условно назвать «балтийско-славянским континуумом» (рис. 3), который не имел единого центра, и в котором было два «полюса», между которыми, во-первых, существовала широкая полоса промежуточных диалектов разного уровня взаимной удалённости (чем дальше по своим характеристикам был диалект от одного «полюса», тем ближе он был к другому и наоборот), и, во-вторых, происходило «притяжение» и перераспределение диалектов: условный «славянский полюс» и условный «балтийский полюс». В дальнейшем «славянский полюс»

притянул к себе и поглотил большую часть диалектов балтийско-славянского континуума, а на «балтийском полюсе» произошла консолидация и сложение восточно-балтийских языков (литовского и латышского). В рамках балтийско-славянского континуума могли существовать и другие «полюса», но они не оставили языковых потомков и, соответственно, почти неуловимы для нас.

Эту модель можно изобразить в виде цепочки, где ближе всего к пра-славянскому диалекту будет пра-пруссский диалект, а дальше степень удалённости от пра-славянского диалектов в цепочке будет потихоньку нарастать.

Таким образом, первоначальный пра-славянский был, по нашему мнению, самостоятельным диалектом в рамках балтийско-славянского континуума, представлявший собой один из его «полюсов».

Пра-славянский диалект мог вступать в самостоятельные ареальные контакты, в которых не принимали участия другие диалекты балтийско-славянского континуума, и которые известны лингвистам (Трубачёв 2002: 25-27). Для О.Н. Трубачёва установление отдельных языковых связей пра-славянского (с пра-италийским, пра-германским, пра-иллирийским) послужило одним из оснований вообще отрицать существование балтийско-славянского диалектного континуума, но в рамках нашей модели они не противоречат при-

знанию его реальности. Точно также и другие диалекты балтийско-славянского континуума могли вступать в такие ареальные контакты, в которых не участвовал пра-славянский (примеры см.: Трубачёв 2002: 22-24).

В свете сказанного можно в значительной степени по-новому посмотреть на занимающую обширные территории «дославянскую» гидронимию, которую обычно называют «балтской» (Топоров, Трубачёв 1962; Гимбутас 2021: 31-37; Третьяков 1966: 184-189; Седов 1970: 8-11), но точная языковая природа которой определяется учёными различно. Так, если О.Н. Трубачёв настаивает на её собственно балтийском характере (Трубачёв 2002: 22), то Х. Бирнбаум допускает для неё более широкую балтийско-славянскую характеристику (Birnbauм 1973: 57). Интересны также наблюдения Б.А. Серебренникова, который на основе анализа гидронимии Волго-Окского междуречья и заимствований в языках соседнего финно-угорского населения пришёл к выводу, что здесь, на территории, где располагалась бывшая частью массива культур шнуровой керамики фатьяновская культура, жил народ, говоривший на индоевропейском языке, близком к известным нам балтийским языкам, но не идентичном им (Серебренников 1955: 19-31; 1957: 69-72). Этот результат хорошо согласуется с предложенной нами моделью балтийско-славянского континуума как совокупности диалектов, с двумя (или более) «полюсами» (число, локализация и степень влияния которых исторически изменялись), между которыми происходило перераспределение изоглоссных областей. Следы одного такого древнего «полюса» в рамках балтийско-славянского континуума и были выявлены Б.А. Серебренниковым.

П.Н. Третьяков, указав, что «балтийская» гидронимия территории милоградской культуры раннего железного века Северной Украины и Южной Беларуси имеет выраженные диалектные черты, а сама она существенно отличается от других «балтийских» культур Восточной Европы, сделал вывод, согласно которому «своеобразие милоградской культуры... заставляет пока воздержаться от окончательных выводов по поводу этнической характеристики милоградских племён. По-видимому, это были племена индоевропейские, родственные балтам, но, возможно, родственные и славянам» (Третьяков 1966: 187)⁶. Эти слова учёного также ведут к идее о двух «полюсах» балтийско-славянского континуума, между которыми распределялись по степени близости его диалекты.

III. ПРАСЛАВЯНЕ

Учитывая, что наиболее близким к пра-славянскому является пра-пруссский, место жизни древнейших славян следует искать в соседстве с древними пруссами, которые заселяли земли в междуречье Вислы и Немана (Финно-угры и балты 1987: 398-404). В работах Г. Шаля (Schall 1962: 56-60; 1964: 123-170; 1966: 7-42), В.Н. Топоро-

ва (Топоров 1966: 255-263; 1966а: 103-111; 1983: 263-272), В.Э. Орела (Орел 1997: 332-358), Ю. Удольфа (Udolph 1999: 493-508; 2011: 313-331; Casemir, Udolph 2006: 114-136) было показано, что ареал «балтийской» гидронимии простирается на запад от Вислы и охватывает современную территорию северной Польши и восточную часть современной Северной Германии. Именно здесь, на наш взгляд, и должны были проживать люди, говорившие на пра-славянском языке.

Г. Шаль отстаивал идею не собственно балтийской, но балтийско-славянской принадлежности южнобалтийской гидронимии. В.Н. Топоров писал: «Не приходится сомневаться, что в польском Поморье и далее к западу – в Померании, Мекленбурге, Гольштейне (и даже южнее по Эльбе и Одере) общее количество “балтийских” элементов в гидронимии и топонимике исчисляется сотнями. Здесь не место вдаваться в дискуссию о том, что представляют собой эти “балтийские” элементы. Достаточно лишь указать, что определение их как “индоевропейских” было бы излишне широким (не говоря уже о том, что некоторые названия встречаются реально лишь в балтских областях), а традиционное название этих элементов “славянскими” – в одних случаях не вполне удовлетворительно (поскольку при наличии в славянских языках данного аппелятива, они не знают соответствующего топонимического названия, хорошо представленного в балтских областях, не говоря уже о ещё более очевидных случаях). Тем не менее, именно на этой территории (как, например, и в бассейне Днепра, особенно в верховьях его) в отличие от современной балтийской территории отмечены такие названия, которые по праву можно назвать “балтославянскими” в том смысле, что они в таком же точно виде продолжают появляться, с одной стороны, на смежных славянских (польских, кашубских, полабских, лужицких) землях, а с другой стороны, на балтийских (ср. *Bebr-: *Babr-: *Bobr-: *Berz-: *Berz-: *Grab-: *Krak-: *Lank-: *Lonk-: *Lenk-: *Leip-: *Liep-: *Lip-: и др.). Когда такие названия находятся на славянской территории, их, не задумываясь, считают славянскими; когда они отмечены на балтийской территории, существует полная уверенность в том, что эти названия балтийские. Логически оправданно такие примеры считать балто-славянскими (как и территории, где они встречаются). Исторически же такие названия, видимо, целесообразно относить: во временном плане – к эпохе, для которой бессмысленно разделение на балтийский и славянский (или потому что этого разделения не было, или потому что оно не было обнаружено), в пространственном плане – к территории, где дольше всего удерживались общие балто-славянские формы, и размежевание наступило позже, чем в других местах, или вовсе не наступило (случай каш. karva, лит. karve и др.)» (Топоров 1966: 255-257); «При этом окажется, вероятно, что территориально “балто-славянский” был приурочен к областям, примыкающим к историческим балтским территориям с запада, юга и юга-востока, и что хронологически он следовал за периодом существования древних балтийских диалектов до выделения из них тех периферийных группировок, которые впоследствии развились в славянские языки» (Топоров 1966а: 104).

⁶ В другой работе П.Н. Третьяков писал: «Весьма возможно, что на славянских окраинах, в области балто-славянского пограничья, имелись своеобразные группы племён переходного характера, специфика которых либо восходила к древнейшей эпохе выделения славян и балтов, либо являлась следствием их многовекового соседства» (Третьяков 1960: 45).

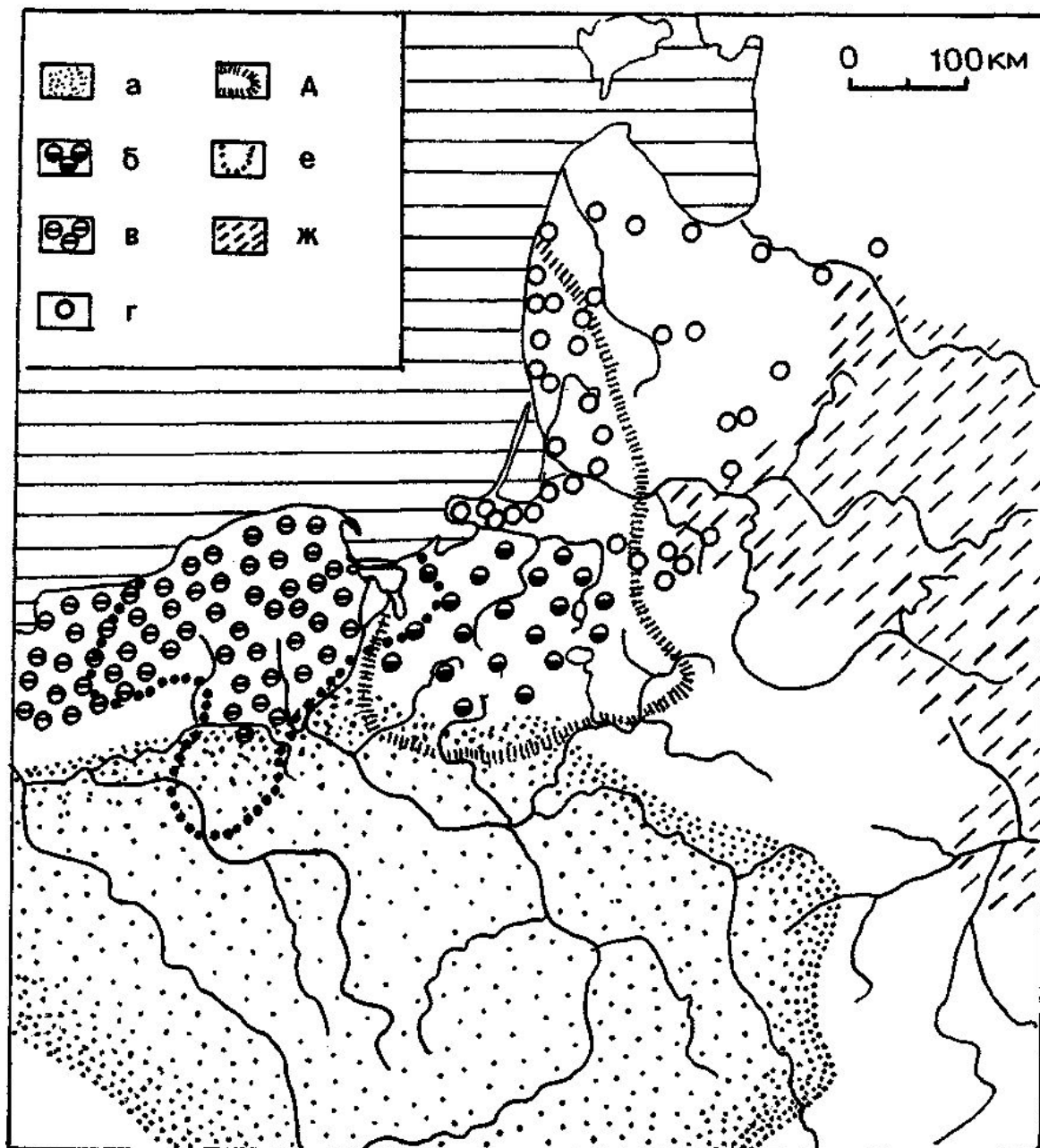

Рис. 36. Формирование западных балтов

Ареалы: а — лужицкой культуры; б — вармийско-мазурской группы; в — поморской группы; г — места находок изделий лужицких и самбийско-вармийских типов; д — ареал культуры западнобалтских курганов; е — ареал поморской культуры на вельковейском этапе; ж — территория восточных и днепровских балтов

Рис. 4. Формирование поморской культуры и культуры западнобалтских курганов (Седов 1994: 131)

Таким образом «балтийско-славянская» топонимия к западу от Вислы может соответствовать тому периоду в истории пра-славянского языка, когда он ещё был очень близок к пра-прусскому. Различие между этой условно «славяно-прусской» и последующей «собственно славянской» топонимией такое же как между древнеславянской топонимией и, скажем, украинской или белорусской топонимией: они принадлежат одной и той же группе населения, только к разным периодам развития её языка.

Интересные наблюдения относительно соответствия славянской и западно-балтийской этнонимии сделал О.Н. Трубачёв: «Этнонимический формант -n- восточным балтам неизвестен, он выступает лишь в двух – трёх периферийных западнобалтийских этнонимах – в названиях частей и племён Пруссии *Pomesani*, *Pogesani* (и, возможно, *Σουβίνοί?*), которые очень напоминают популярный славянский словообразовательный тип этнонимов, но вместе с тем и сами воплощают

не чисто балтийский, а скорее переходный к славянскому типу» (Трубачёв 1974: 56). Эти факты возвращают нас к выводу о двух «полюсах» балтийско-славянского континуума, одним из которых был пра-славянский, и переходных звеньях между ними.

Все романские языки восходят к латинскому языку, но в своё время он не был единственным, существовали и другие италийские языки, не оставившие потомков (оскский, умбрский, фалискский и т.д.). Аналогична ситуация и с пра-славянским языком (к которому восходят все существующие славянские языки) – в своё время он, скорее всего, тоже не был единственным. Существовали и другие близкие к нему языки, не оставившие потомков. Одним из таких языков был, вероятно, язык носителей именьковской культуры IV-VII вв., который В.В. Напольских, на основе предполагаемых заимствований в финно-угорские языки Волго-Камского региона, охарактеризовал как «близкий к праславянскому, но не идентичный ему» (Напольских 2006: 16).

В VII-VI вв. до н.э. в ареале славяно-западнобалтийской гидронимии формируются две культуры: культура западнобалтских (самбийских) курганов к востоку от Вислы и поморская (померанская) культура к западу от Вислы (рис. 4).

От культуры западнобалтских курганов прослеживается преемственность до последующих культур, принадлежавших историческим западно-балтийским народам (Седов 1994: 130; 2002: 63-64).

Носители поморской культуры, по нашему мнению, были древнейшими археологически уловимыми для нас⁷ славянами. Формирование поморской культуры отражало процесс кристаллизации пра-славянского этноязыкового единства и размежевание пра-славян с предками западных балтов (пруссос, ятвягов, куршей), что соответствует переходу от прото-славян к пра-славянам.

Характерный признак поморской культуры – погребения в каменных ящиках, где стояли урны с прахом, в большинстве грунтовые, но иногда и курганные. На раннем этапе бытовали погребения с «лицевыми урнами», которые со временем по мере продвижения «поморцев» на юг сменились погребениями в урнах, покрытых большим сосудом (клёшем).

Потенциальным аргументом против отождествления носителей поморской культуры с ранними славянами может быть то, что в пра-славянском языке как будто отсутствовали слова, которые характерны для жителей приморских областей. Однако, указывая на это, Ф.П. Филин делает важную оговорку: область пра-славян

располагалась в стороне от морей «по крайней мере, в последние столетия их истории» (Филин 1962: 122). Между тем, после ухода значительной части носителей поморской культуры к югу (который, вероятно, был вызван давлением соседних пра-германских племён), их коренной приморский ареал был во II в. до н.э. занят носителями оксывской культуры (скорее всего, одной из пра-германских группировок), после чего поморские племена и их потомки (носители культур подклёшевых погребений и зарубинецкой) были отрезаны от моря, что, видимо, и привело к утрате в их языках соответствующего лексического пласта.

Э.М. Загорюльский, также помещающий прародину славян на балтийском побережье, хотя связывающий её с иными историко-археологическими реалиями, чем мы⁸, справедливо отмечает: «Вопрос о морской терминологии (в пра-славянском языке – М.Ж.), вероятно, нуждается в дальнейшей проработке. В свое время ошибочно отрицалось существование в общеславянском и терминологии, связанной с горным ландшафтом. Следует также учитывать возможность расхождения семантики слов в родственных языках, примеры чему имеются и в славянских языках» (Загорюльский 2012: 108).

По словам Б.В. Горнунга единство носителей пра-славянского языка «после отпадения “протопрусских” диалектов, т.е. разрыва непосредственных связей с ними... стало исключительно тесным, устойчивым и долговременным... Это и было общеславянское языковое единство» (Горнунг 1958: 59).

Уже на самом раннем этапе своей истории пра-славянский язык был, по словам О.Н. Трубачёва «живым языком со всеми атрибутами сложности живого языка» (Трубачёв 2002: 5).

Ф.П. Филиным была предложена периодизация развития пра-славянского языка (учёный предпочитал именовать его «общеславянским»), включающая три этапа:

(1) Ранний этап (от времени образования пра-славянского языка примерно до конца I тыс. до н.э.). В это время формируются особенности славянской языковой системы, отличающие её от других индоевропейских языковых систем: происходит ослабление роли лабиализации (огубления) гласных, повлекшее за собой перестройку всей системы гласных общеславянского языка, в связи с чем изменился и характер их чередований (от фонетических к морфологическим); изменяются рефлексы древних ларингальных; видоизменяется на славянской почве акцентологическая система; серьёзные изменения происходят в системе согласных; в области грамматики складываются основные специфически славянские особенности склонения и спряжения и т.д.

(2) Средний этап (от конца I тыс. до н.э. до III-V вв. н.э.). В это время происходят дальнейшие серьёзные

8 По мнению учёного древнейшими славянами были носители культуры шаровых амфор (конец IV – начало III тыс. до н.э.), но в свете современных исследований палео-ДНК она должна быть признана относящейся к неолиту «Старой Европы» и доиндоевропейской (у её носителей обнаружена мужская гаплогруппа I2a, характерная для доиндоевропейского населения). Со временем её носители были вытеснены или ассимилированы расселявшимися носителями культур боевых топоров.

7 Данная оговорка весьма важна. О.Н. Трубачёв писал: «попытки точно датировать “появление” праславянского языка теряют свою актуальность в языкознании», поскольку вопрос «не в том, что древняя история праславянского может измеряться масштабами II и III тысячелетия до н.э., а в том, что мы в принципе затрудняемся даже условно датировать „появление“ или выделение праславянского или праславянских диалектов из индоевропейского именно ввиду собственных непрерывных индоевропейских истоков славянского» (Трубачёв 2002: 25). Глоттохронология датирует образование праславянского языка серединой – второй половиной II тыс. до н.э. (Blažek, Novotná 2007: 185-210; 2007a: 323-346), но на данном этапе затруднительно указать пра-славянам археологическое соответствие, более раннее, чем поморская культура.

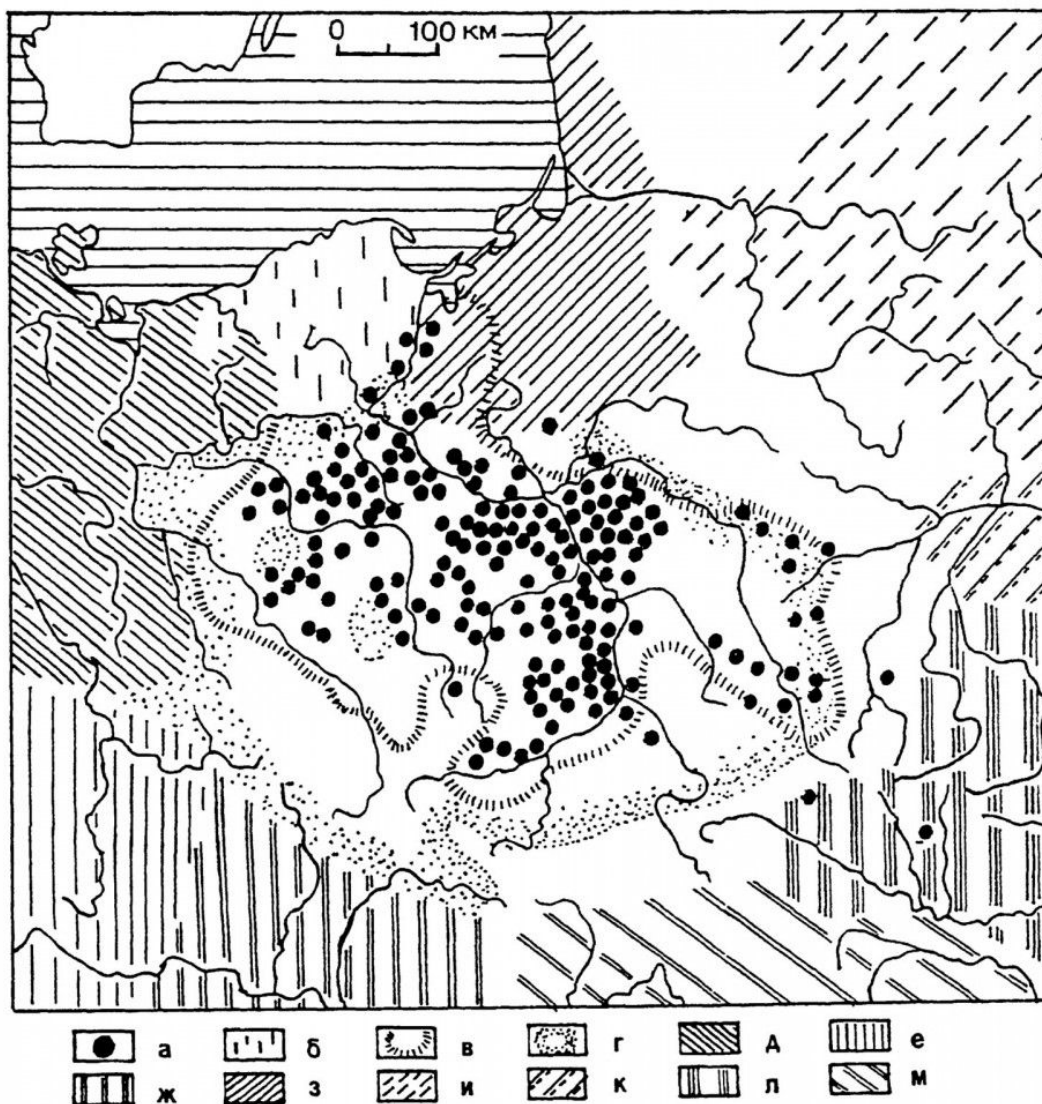

Рис. 10. Становление славянского этноса

а — могильники культуры подклёшевых погребений; **б** — первоначальный регион поморской культуры; **в** — территория расселения племен поморской культуры; **г** — ареал лужицкой культуры; **д** — ясторфской культуры (германцы); **е** — западного гальштата (кельты); **ж** — восточного гальштата (иллирийцы); **з** — западно-балтских курганов (западные балты); **и** — территория восточных балтов; **к** — ареал милоградской культуры; **л** — скифской культуры; **м** — дакийских племен.

Рис. 5. Культура подклёшевых погребений (Седов 2002: 71)

преобразования славянской языковой системы. К изменениям в фонетике приводят палатализация (смягчение) согласных и «закон» открытых слогов. Первая палатализация заднеязычных согласных произошла примерно в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Одновременно с ней происходит смягчение *с* и *з* перед *ј*, а также смягчение грубых согласных перед *ј* в абсолютном начале слова.

За первой палатализацией последовала вторая палатализация заднеязычных, время которой приходится на III-V вв. н.э., а «поскольку с условиями её реализации связаны многие другие важные изменения в общес-

лавянском языке, вторая палатализация имеет очень большое значение для установления относительной хронологии этих явлений».

В словах общеславянского языка возобладала тенденция устранять конечный затвор закрытого слога, вследствие чего закрытые слоги становились открытыми. Это произошло незадолго до второй палатализации, т.е. в первые века н.э. Тенденция к открытому слогу привела к устранению дифтонгов (монофтонгизации), изменениям в сочетаниях согласных в начале и середине слова, отпадению согласных в конце слова. В связи с тенденцией ликвидации закрытых слогов происходит

упрощение многих сочетаний согласных, устраняются удвоенные согласные, отпадают согласные в абсолютном конце слова (ок. III-V вв. н.э.), что приводит к перестройке грамматической системы общеславянского языка.

К концу данного этапа грамматика общеславянского языка (система глагольных времён, категория глагольного вида и т.д.) принимает вид, близкий к зафиксированной в старославянском языке.

В общеславянском языке начинают проявляться диалектные различия (так, процесс превращения носовых гласных в гласные чистого образования не проявляется в польском языке).

(3) Поздний этап (V-VII вв.). Происходит переход от старого к новому состоянию праславянской речи, общеславянский язык начинает распадаться на отдельные языки, продолжая вследствие традиции во всём существенном сохранять единство. Зарождаются отдельные славянские языковые группы (Филин 1962: 101-110).

И.П. Русанова сопоставила выделенные Ф.П. Филиным этапы развития пра-славянского языка с тремя археологическими культурами, которые, по её мнению, соответствуют трём последовательным этапам исторического развития ранних славян:

(1) Первому этапу развития пра-славянского языка соответствует период существования культуры подклёшевых погребений (IV-II вв. до н.э.);

(2) Второму этапу развития пра-славянского языка соответствует период существования пшеворской культуры (II в. до н.э. – IV в. н.э.);

(3) Третьему этапу развития пра-славянского языка соответствует период существования пражской культуры (V-VII вв. н.э.) (Русанова 1976: 214-215).

Выводы И.П. Русановой о соответствии между тремя этапами развития пра-славянского языка и тремя археологически фиксируемыми этапами развития пра-славянской культуры поддержал В.В. Седов, соотнеся их с теми же археологическими культурами (Седов 1979: 21-22, 51, 74; 1994: 44-45, 66, 144-145, 197-198; 2002: 29-30, 76, 124-125).

В середине VI в. до н.э. начинается расселение носителей поморской культуры на юг, на территорию, занимаемую лужицкой культурой, в результате чего на основе синтеза поморских и лужицких традиций формируется культура подклёшевых погребений IV-II вв. до н.э. (рис 5.).

Своё имя она получила по обычаю накрывать сложенные в глиняную урну остатки кремации умерших колоколовидным сосудом – клёшем. Обычай этот существовал с самого раннего этапа функционирования данной культуры и постепенно становился в ней всё более популярным. Зародился он в лужицкой культуре, но широкое распространение получил в подклёшевое время. В этой связи любопытно, что в славянской культуре горшок был неразрывно связан с культом предков: различные варианты захоронения кремированных останков в горшках-урнах хорошо известны по ряду позднейших достоверно славянских культур. При этом горшок представлял собой как бы «новое и вечное тело погребенного предка: недаром сам горшок с его горлом, плечиками,

туловом в русском языке представляется антропоморфным» (Петрухин, Раевский 2004: 163). Коллективные захоронения постепенно сменяются индивидуальными.

Глиняная посуда культуры подклёшевых погребений отражает синтез лужицких и поморских традиций и отличается разнообразием. Её население изготавливало горшки яйцевидной формы (к ним относятся и клёши), округлобокие и амфоровидные, ситовидные сосуды, миски, кубки, крышки и т.д. Всё это изготавливалось вручную. Гончарного круга славяне-«подклёшевы» не знали (характеристику культуры подклёшевых погребений см.: Седов 1994: 138-144; 2002: 70-74). В рамках культуры подклёшевых погребений появляется знаменитый впоследствии тип характерного пражского сосуда – высокого, расширяющегося в верхней части, со слабо выраженными округлыми плечиками и чуть наметенным прямым венчиком (Русанова 1976: 213), что указывает на преемственность славянской культурной традиции от культуры подклёшевых погребений до пражской культуры (Русанова 1976: 213-214).

Носители лужицкой культуры, видимо, говорили на языке, близком к италийским и, в меньшей степени, кельтским (Мартынов 1989: 39-40; 2004: 57-58). Пра-славянский язык испытал серьёзное воздействие языка италийского типа. По словам В.В. Мартынова «выделяется италийский лексический ингредиент праславянского языка, самый богатый из известных до сих пор вторичных ингредиентов языка славян», причём он «практически не смешивается с праславянскими латинизмами» (Мартынов 2004: 58). Важно, что из всех, в понимании В.В. Мартынова, «вторичных ингредиентов» пра-славянского, хронологически «италийский ингредиент» является наиболее ранним (Мартынов 2004: 57-92), что хорошо соотносится с археологически фиксируемой картиной расселения носителей поморской культуры в лужицком ареале. Видимо, взаимодействие с лужицким населением и внесло в язык славян-«поморцев» италийские элементы.

О.Н. Трубочёв также выявил ряд древних славяно-италийских изоглоссов и в целом установил древние центральноевропейские связи пра-славянского языка, показав, что славянская ремесленная терминология формировалась в условиях тесных контактов с италиками, германцами и кельтами (Трубочёв 1966). Предки славян вместе с предками данных этносов составляли, по мнению учёного, единую историко-культурную центральноевропейскую провинцию (Трубочёв 2002). При этом балты в неё не входили, так как в балтийских языках соответствующие изоглоссы отсутствуют (Трубочёв 2002: 25-27).

Эти наблюдения привели О.Н. Трубочёва к выводу об отсутствии исходной близости славянских и балтийских языков и вторичном их сближении (Трубочёв 2002: 18-21). Таким образом, из того же материала славяно-италийских параллелей, что и В.В. Мартынов, О.Н. Трубочёв сделал противоположные выводы: не славянский язык как часть балтийско-славянского континуума подвергся определённой «итализации», а славянский как один из центрально-европейских языков подвергся определённой «балтизации».

Именно выводами О.Н. Трубачёва руководствовался В.В. Седов, который связывал пра-славянский компонент культуры подклёшевых погребений не с поморской культурой, а с лужицкой культурой, бывшей частью общности полей погребальных урн, которая, по мнению В.В. Седова представляла собой археологический эквивалент центрально-европейский культурно-исторической провинции (Седов 1994: 95-135; 2002: 39-67). По словам учёного «среди её (лужицкой культуры – М.Ж.) носителей были и протославяне, то есть население, говорившее на древнеевропейских диалектах, ставших позднее славянскими» (Седов 2002: 66). Поморская же культура, по мнению В.В. Седова была западно-балтской (Седов 1979: 46-47; Седов 1994: 130-132; 2002: 64-65) и «племена поморской культуры и внесли в славянский язык какую-то часть особенностей, которые объединяют его с балтским» (Седов 1979: 51).

Мы считаем позицию В.В. Седова ошибочной. Балтийские языковые связи пра-славянского имеют более глубокий и разнообразный характер, нежели центрально-европейские (италийские, кельтские и т.д.). Соответственно, балтийские связи пра-славянского должны быть признаны первичными, а центрально-европейские – вторичными. Поэтому при сложении культуры подклёшевых погребений именно поморский элемент, на наш взгляд, должен рассматриваться в качестве пра-славянского. При взаимодействии с близким к пра-италийцам лужицким населением славяне-«поморцы» испытали его интенсивное языковое и культурное воздействие, обогатившее как пра-славянский язык, так и культуру древнейших славян, что, как проследил О.Н. Трубачёв, отразилось в их культурной терминологии. Наша позиция, таким образом, вполне согласуется с конкретными наблюдениями О.Н. Трубачёва о древних славяно-италийских связях, но с его выводами об их первичности в отношении славяно-балтийских связей мы расходимся.

Видимо, это раннее (на этапе формирования культуры подклёшевых погребений) включение пра-славян в систему центрально-европейских языковых связей является одной из причин того, что лингвисты затрудняются определить характер взаимных отношений славянских и балтийских языков.

Соседями славян на «подклёшевом» этапе их истории на севере и северо-востоке были западные балты, с которыми постепенно нарастало языковое размежевание, и представленные ясторфской культурой германцы на западе. Славяно-германские языковые контакты этого времени привели к ряду лексических заимствований из прагерманского в праславянский, а равно и из праславянского в прагерманский (Мартынов 1963; 2004: 16-35). От фракийцев славяне были отделены Карпатскими горами, а с ираноязычными этносами Северного Причерноморья соприкасались незначительно. Языковое взаимодействие с последними охватывало лишь часть славянского мира (общеславянские заимствования из иранского единичны: Седов 2002: 25), соответственно не может относиться к начальному, «подклёшевому», этапу истории славян, живших тогда на весьма компактной территории. В контакт с ирано-

язычными этносами вступили какие-то группировки славян позднее, уже в период славянского расселения.

Следует оговорить, что именование носителей поморской культуры и культуры подклёшевых погребений «славянами» (словѣне, праслав. *slověne) является несколько условным, так как точное время и место возникновения этого этнонима нам неизвестны. Как подчёркивал О.Н. Трубачёв «научным мифом оказывается принимаемое отдельными этнологами и этнографами и по сей день обязательное одновременное появление этноса и этнонима... этноним – категория историческая, как и сам этнос, появляется он не сразу, ему предшествует длительный период относительно узкого этнического кругозора, когда народ, племя в сущности себя никак не называют, прибегая к нарицательной самоидентификации ‘мы’, ‘свои’, ‘наши’, ‘люди (вообще)’... ‘своих’ объединяла в первую очередь взаимопонятность речи, откуда правильная и едва ли не самая старая этимология имени славяне – от слыть, слову/слыву в значении ‘слышаться, быть понятным’» (Трубачёв 2002: 98-99).

Применительно к раннему этапу славянской истории этноним «славяне» может употребляться в двух значениях: «узком» (конкретный народ, имевший соответствующее самоназвание) и «широком» (совокупность всех славяноязычных народов; под это значение подпадают и пра-славяне, подлинные этнонимы которых нам неизвестны). По византийским источникам видно, что этноним словене (греч. Σκλάβηνοι, Σκλαῖνοι, Σκλάβινοι; лат. Sclaveni, Sclaviniae) в VI-VII в. охватывал лишь часть славяноязычного мира, в то время как другая часть славян именуется в византийских источниках антами (греч. Ἄνται) и не смешиваются со славянами, хотя Прокопий Кесарийский подчёркивает, что говорили они на одном языке, придерживались одинаковых обычаев и имели общее происхождение (Свод I: 183-185). Этноним словене/славяне не сразу утвердился как общее название всех славяноязычных народов, относясь первоначально лишь к одному из них.

Спокойное развитие культуры подклёшевых погребений было прервано начавшейся ок. 400 г. до н.э. экспансией кельтов, которая охватила ряд регионов Европы и в III-II вв. до н.э. достигла славянских земель. Привела она в движение и германцев, которые продвигаются на территорию «подклёшевцев» с запада и северо-запада. В результате формируется новая культура – пшеворская, представлявшая собой сплав славянской культуры подклёшевых погребений и германских культурных элементов при мощном влиянии латенской культуры кельтов, а в южных регионах и при их непосредственном участии (Седов 1979: 53-74; 1994: 149-200; 2002: 79-125). В праславянском языке (Бернштейн 1961: 94; Мартынов 2004: 35-46; Трубачёв 2002: 45-49), в славянской этнонимии (Трубачёв 1974: 57-58 и сл.), в духовной культуре славян (Rosen-Przeworska 1964: 54-254) обнаруживаются следы их тесных контактов с кельтами, что полностью согласуется с археологическими материалами пшеворской культуры.

Сложный полиэтничный характер пшеворской общности привёл к длительной дискуссии относительно её этнической атрибуции. Одни учёные считали « пше-

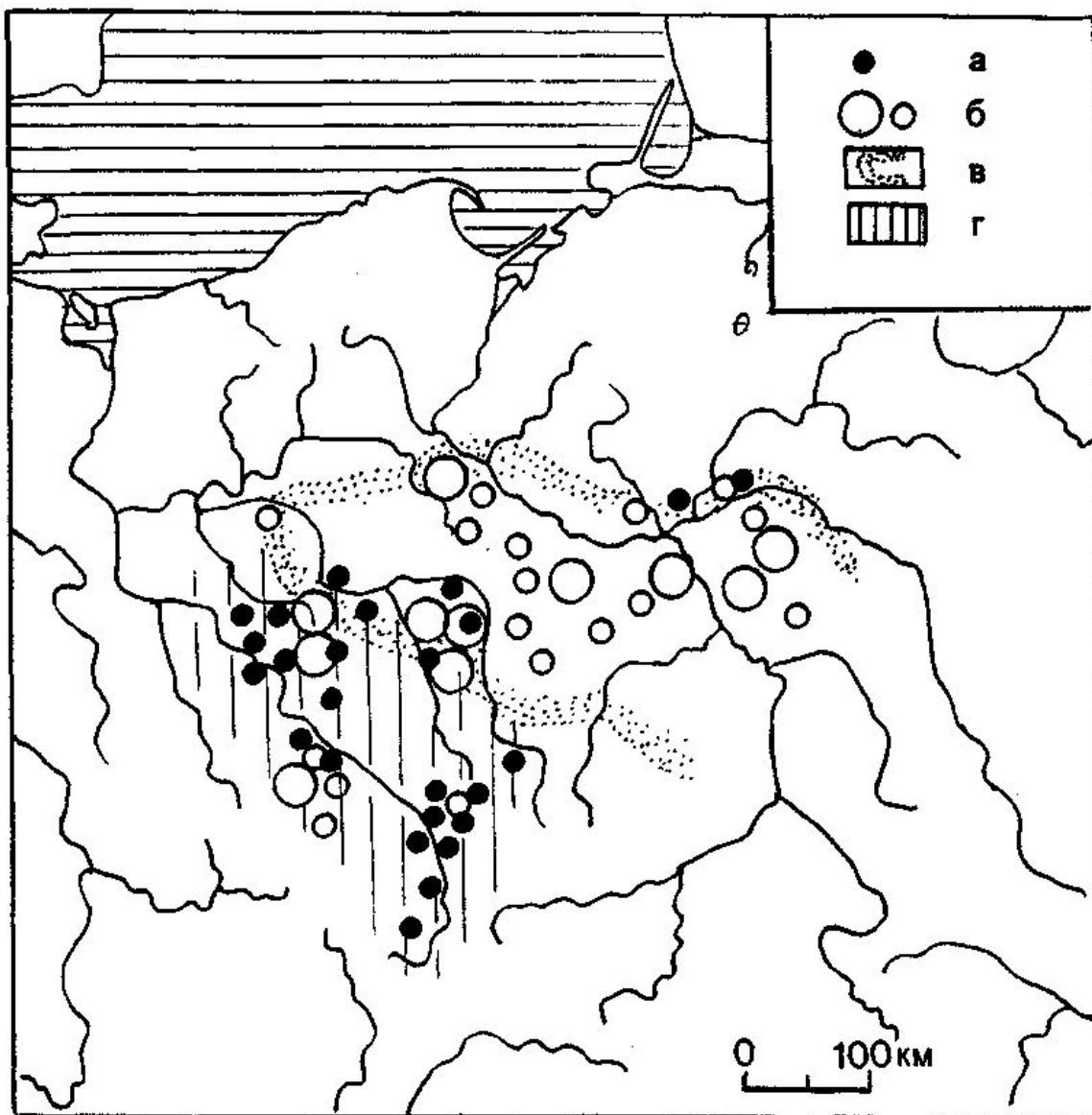

Рис. 61. Два региона пшеворской культуры

Картированы только могильники, в которых раскопано свыше 10 погребений: а — могильники с преобладанием (свыше 60%) урновых захоронений; б — могильники с преобладанием (свыше 60%) ямных погребений (более крупными значками выделены могильники с количеством вскрытых погребений, превышающим 50); в — приблизительные границы Висленского региона; г — Одерский регион

Рис. 6. Два региона пшеворской культуры (Седов 1994: 190)

ворцев» полностью или в основном славянами (см. например: Kostrzewski 1961: 65-101; Jazdzewski 1959: 51-70; Szymanski 1967: 308-327), другие — германцами (см. например: Godłowski 1985; Щукин 1994: 101-107; Parczewski 2005: 65-78).

В.В. Седов сделал справедливый вывод, что ни чисто германская, ни чисто славянская атрибуция этой культуры не может объяснить всего комплекса фактов (Седов 1979: 61-63; 1994: 178-180; 2002: 112-114). Пшеворская культура, по мнению учёного, — это сложная полиэтническая общность, единственно правильный путь в этническом определении которой состоит в раз-

граничении в её рамках славянских, германских и иных элементов. По мнению В.В. Седова, перспективным является то направление поисков, которое ещё в 30-е гг. задал польский археолог Р. Ямка (Jamka 1933: 59-60), который обратил внимание на существенную разницу урновых и безурновых пшеворских погребений: первые обычно характеризуются значительным инвентарём, содержащим нередко и предметы вооружения, вторые обычно малоинвентарны или безынвентарны, не содержат предметов вооружения. Эти различия, очевидно, являются этнографическими, что позволяет связать их с двумя разными этносами: германским (урновые)

и славянским (безурновые). Р. Ямка допускал, что эти различия обусловлены политическим преобладанием германцев в пшеворском ареале, которые не разрешали славянам носить оружие, однако малоинвентарность и отсутствие в погребения оружия – это характерная этнографическая черта всех раннесредневековых славянских культур. Позднее о полиэтничной структуре висло-одерского региона, в котором в начале н.э. жили как славяне, так и германцы, писали и другие учёные (см. например: Łowmiański 1964: 215-277; Jankuhn 1970: 63; Kolendo 1981: 70-78).

В.В. Седов продолжил работу, начатую Р. Ямкой, и показал, что урновые и безурновые захоронения характеризуются, преимущественно, разными типами лепной посуды и разным инвентарём (в урновых погребениях встречены предметы, не характерные для ямных захоронений: ножницы, ключи, замки, кресала и т.д.), а выявленные этнографические особенности концентрируются в пшеворском ареале неравномерно: германские преобладают на западе, а славянские – на востоке, в Повисленье, там где пшеворская культура формировалась на подклёшевой основе (Седов 1979: 63-74; 1994: 180-198; 2002: 115-122). Соответственно, можно говорить, что там преобладало именно славянское население.

Несколько иначе подошла к проблеме этнической дифференциации пшеворских памятников И.П. Русанова, попытавшаяся провести их этническую дифференциацию не по целым могильникам или поселениям, а по отдельным закрытым комплексам – погребениям и жилищам (Русанова 1976: 201-215; 1990: 119-150). При некоторых отличиях, которые дал такой подход, в главном выводы исследовательницы совпали с выводами В.В. Седова: «постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами» (Русанова 1990: 135). Интересна и попытка исследовательницы сопоставить археологические материалы об отношениях местных славян и пришлых германцев с историческими данными об отношениях германцев и населения бывших римских провинций периода великого переселения народов и формирования «варварских» королевств (Русанова 1988: 8-19).

Наблюдения В.В. Седова и И.П. Русановой о значительной доле славянского этнического компонента в рамках пшеворской культуры находят поддержку других археологов (см. например: Магомедов 2001: 125-126; Пачкова 2006: 251-253; Загорюльский 2012: 160-169). Подтверждаются их выводы и современными данными по анализу ДНК, свидетельствующими о ранних германо-славянских контактах, предположительно, в междуречье Эльбы и Одера в последние столетия до н.э. (Рожаковский 2015: 87-106).

Именно на основе славянского компонента пшеворской культуры, по мнению И.П. Русановой, В.В. Седова и Э.М. Загорюльского сформируется раннесредневековая славянская пражская культура, что демонстрирует непрерывность исторического развития славян в Повисленье (Русанова 1976: 201-215; 1988: 8-19; 1990: 119-150; Седов 1979: 114-119; 1994: 290-296; 2002: 307-312; Загорюльский 2012: 187-194). В.Д. Баран придаёт реша-

ющее значение в сложении пражской культуры верхнеднепровским памятникам типа Черепин-Теремцы, восходящим к зубрецкой группе пшеворской культуры (Баран 1961; 1981; 1983: 5-47; 1988; 2008; Баран, Гопкало 2005).

Именно в бассейне Вислы, там, где в составе пшеворского населения преобладали славяне, римские авторы первых веков н.э. (Птолемей, Плиний Старший и Тацит) помещают венетов или венедов (лат. Venedi, Venethae, Venethi; греч. Οὐενέδοι) (Свод I: 18-62), этнос, от которого согласно готскому историку VI в. Иордану происходят все славянские народы (Iord., Get. 34; Иордан 2013: 67; о привисленской локализации венетов первых веков н.э.: Седов 1994: 179-180; 2002: 122-123).

Наиболее удачное решение «венетской» проблемы в целом предложил, на наш взгляд, польский лингвист К. Витчак: данное имя относится к древнейшему пласту индоевропейских этнонимов со значением «дружественные, родственные» и независимо сохранилось в этнонимии разных индоевропейских этноязыковых групп (италийцев, иллирийцев, кельтов, славян) (Витчак 1989: 107-114)⁹.

Не всё славянское население культуры подклёшевых погребений влилось в состав пшеворской общности, значительная его часть в результате продвижения на славянщину кельтов и германцев покинула свои привисленские земли и двинулась на восток, где стала основным компонентом при сложении зарубинецкой культуры. Германцы тоже под давлением кельтов продвигались на восток и юго-восток, что нашло отражение в памятниках типа Харьевки (Обломский, Терпиловский 1994: 41-51) и поянешты-лукашевской культуре (Каспарова, Максимов 1993: 85-95), связанных с миграцией германского населения.

В Среднем Поднепровье зарубинецкой культуре предшествовала скифская лесостепная («скифы-пахари» Геродота), а в Верхнем Поднепровье – милоградская. Из этих двух культур исследователи долго и пытались вывести зарубинецкую культуру (историографию см.: Поболь 1971: 175-182; Максимов 1972: 116-129; 1982: 155-158), но сделать это проблематично: скифские лесостепные элементы проявляются преимущественно в среднеднепровском регионе зарубинецкой культуры, милоградские – в верхнеднепровском, а в полесском как первые, так и вторые незначительны. Соответственно, рассматривать указанные культуры можно только как субстрат зарубинецкой в отдельных регионах. Основная масса её носителей, принеся черты, придавшие своеобразие и единство зарубинецкой культуре во всём её обширном ареале, прибыла в днепровский регион извне.

В 1960 г. Ю.В. Кухаренко сделал вывод, что зарубинецкая культура сформировалась в результате миграции с запада носителей поморской культуры и культуры подклёшевых погребений (Кухаренко 1960: 289-300). Формирование зарубинецкой культуры было сложным процессом: при определяющей роли мигрантов из поморско-подклёшевого ареала, определённую роль в её

⁹ Возможно, имя анты представляет собой вариант этнонима венеты/венеды (Грацианский 2012: 27-39; Назин 2017: 75-92).

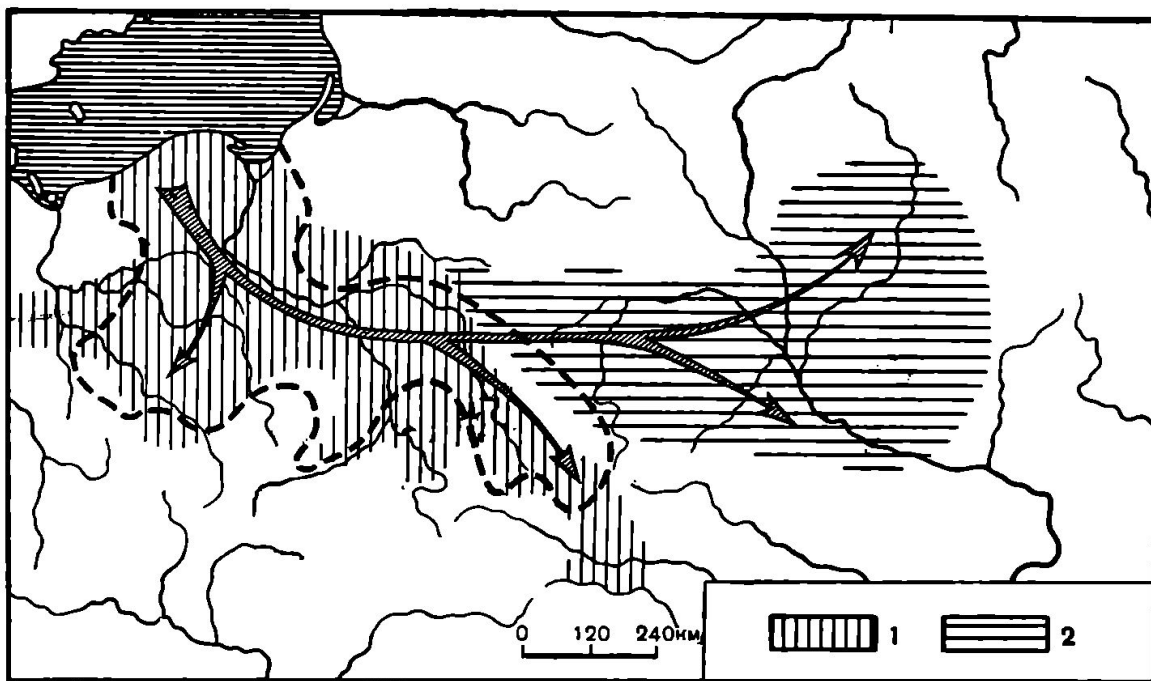

Рис. 6. Расселение славян в начале нашей эры

1 — пшеворская и оксывская культуры; 2 — зарубинецкая культура (пунктиром указан район распространения памятников поморской культуры в предшествующее время)

Рис. 7. Миграция носителей поморской культуры на Вислу и Днепр и становление культур подклёшевых погребений и зарубинецкой (Кухаренко 1960: 298)

формировании сыграли и местные предшествующие культуры (милоградская и скифская лесостепная) (Третьяков 1966: 213-220; Максимов 1972: 116-129; 1982: 155-158; Пачкова 2006; Седов 1994: 201-205; 2002: 125-129).

Установленная археологами миграция населения поморской культуры на Вислу и на Днепр находит подтверждение в современных исследованиях ДНК, которые отчётливо фиксируют соответствующий миграционный шлейф «поморцев» (рис. 7-8).

По всему пути миграции поморского населения в дальнейшем обнаруживаются памятники, имеющие связь с достоверно славянскими культурами раннего средневековья. О памятниках в рамках пшеворской общности, ведущих далее к пражской культуре, было сказано выше.

Аналогичная картина наблюдается и в Поднепровье. Идея о том, что исторические поднепровские славяне ведут своё происхождение от зарубинецкой археологической культуры конца III в. до н.э. – середины I вв. н.э. была сформулирована ещё В.Н. Даниленко (Даниленко 1955: 27-29) и основательно разработана П.Н. Третьяковым (Третьяков 1966; 1968: 58-68; 1970; 1982). Ныне она развивается целой плеядой учёных, которыми к настоящему времени надёжно установлена следующая цепочка культурно-генетической преемственности: зарубинецкая культура – поздnezарубинецкие памятники середины I – конца II в. н.э. – киевская культура начала III – первой половины V вв. н.э. – пеньковская и колочинская раннеславянские культуры (Горюнов 1981; Обломский 1991; 2002; Обломский, Терпиловский 1991; Тер-

пиловский 1984; 2004; Поздnezарубинецкие памятники 2010).

В античных источниках массив мигрировавших из Центральной Европы под давлением кельтов славян-«подклёшевцев» (шли севернее) и германцев-«ясторфцев» (шли южнее) фигурирует под именем «бастарнов» по имени «племени» (вероятно, германского), маршрут миграции которого шёл ближе всего к землям античной цивилизации. Это объясняет тот факт, что и славяне-«зарубинцы» в общей массе центрально-европейских мигрантов-«бастарнов» приняли участие в походах на Балканы, описанных Титом Ливием, где К.В. Каспарова обнаружила прототипы характерных зарубинецких фибул с треугольным щитком (Каспарова 1981: 57-79).

Мог ли славянский этнический компонент в составе зарубинецкой культуры восходить не к «подклёшевцам», а к одной из местных её составных частей (скифам-пахарям или «милоградцам»? На этот вопрос надо дать отрицательный ответ. Во-первых, через определённую группу пшеворских памятников культура подклёшевых погребений связана с достоверно славянской пражской. Во-вторых, локализация прародины славян в Поднепровье едва ли возможна в свете лингвистических данных, согласно которым балты находились в непосредственном языковом контакте с иранцами и не были изначально отделены от них полосой славянских земель (Трубачёв 1967: 20; 2002: 51-52), а на юго-западе своего ареала балты непосредственно контактировали с фракийцами (причём праславянский

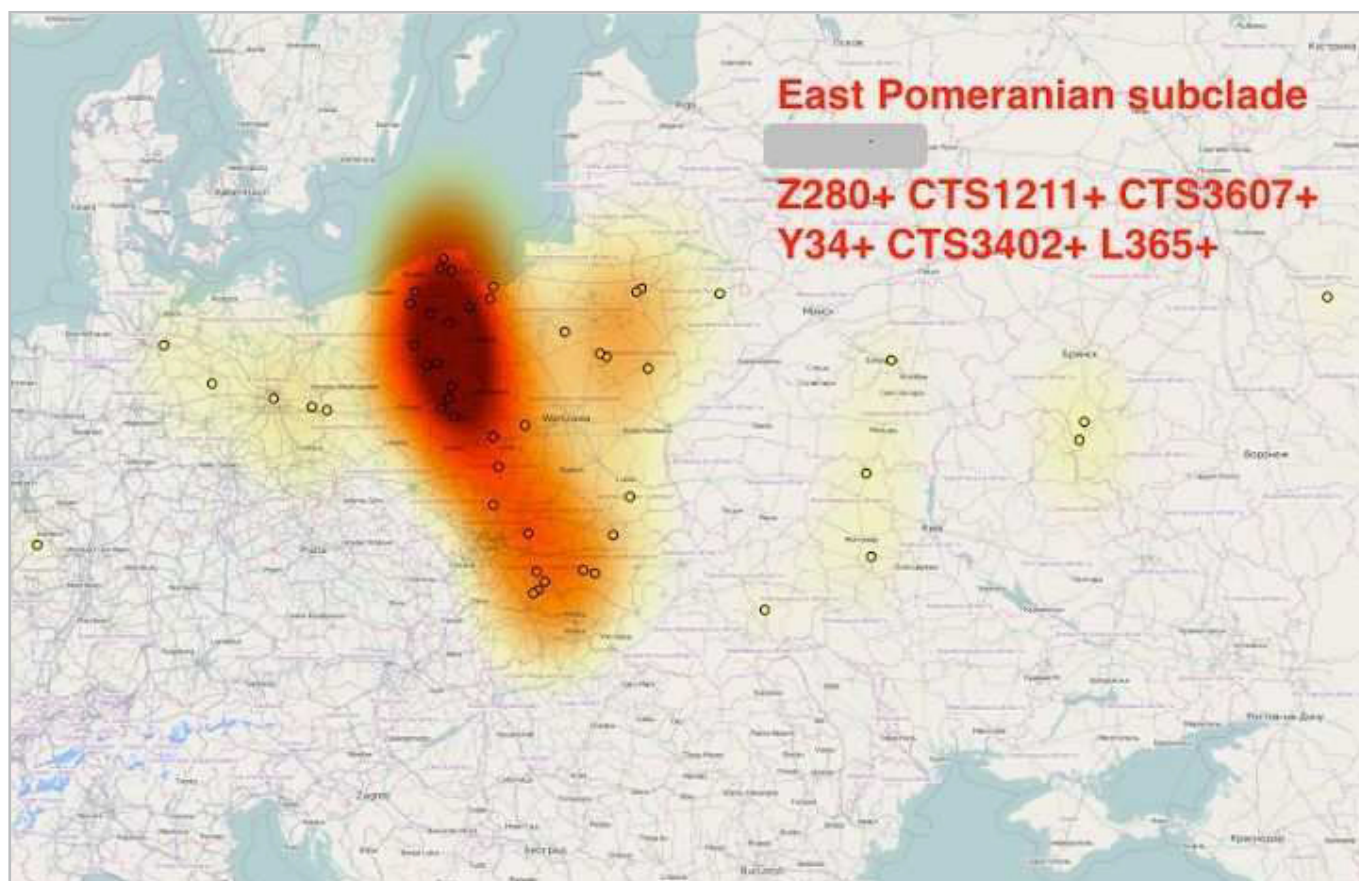

Рис. 8. Ареал современного расселения потомков поморской (померанской) культуры, имеющих в своих ДНК метку (снип) R1a-L365. Общий предок носителей данного снипа жил 400 ± 250 лет до н.э. (датировка по гаплотипам, наши данные) и 700 ± 700 лет до н.э. (датировка по снипам, данные компании YFull) (Клёсов 2015а: 180)

язык этот контакт не затронул) (Топоров 1973: 30-63; Трубачёв 1968 (показано соседство фракийских и балтских гидронимов); 2002: 22-24).

В I-III вв. происходит процесс миграции готов от Балтики к Чёрному морю (Wołągiewicz 1981: 79-106; Русанова 1993а: 183-191; Седов 1994: 222-232; 2002: 142-150; Щукин 2005: 25-151), затронувший и славянские земли. В первой половине I в. н.э. на территории южнобалтийской оксывской культуры появляются неизвестные здесь ранее каменные погребальные сооружения типа Одры-Венсеры, имеющие аналогии в Скандинавии, которые можно связывать с переселением готов, о котором повествует Иордан. На основе смешения переселенцев и «оксывцев» формируется новая культура – вельбаркская (Щукин 2005: 25-57), носители которой, готы, постепенно начинают продвигаться к югу, впитывая и вовлекая в своё движение часть пшеворских племён.

Иордан повествует, что перед тем, как вступить в Скифию, готы переправились через какую-то реку, название которой он не приводит, после чего победили племя спалов (Spali) и завладели «Желанной землёй Ойум», окружённой болотами (Iord., Get. 26-29; Иордан 2013: 66). Судя по археологическим данным, река, через которую переправились готы – это Припять (Bierbrauer 1994: 105; Бирбрауер 1995: 38-39). «Желанная земля Ойум» (готское *Aujom* (*Oium*) – «страна, изобилующая водой») – это Волынь и соседние с ней районы Мазовии и Подлясья (Bierbrauer 1994: 105; Бирбрауер 1995: 38-39; Седов 1994: 228; 2002: 147).

Спалы Иордана, которых победили готы, по всей видимости, были славянами, жившими на Волыни – носителями зубрецких (волыно-подольских) древностей. Последние сложились в этом регионе на основе пшеворской культуры при смешении её с группами «зарубинцев», мигрировавшими сюда после упадка классической зарубинецкой культуры (об этой культурной группе см.: Козак 1984; 1993: 53-66; 2008). По археологическим материалам отчётливо видно, что при вторжении «вельбаркцев»-готов на Волынь в конце II – начале III вв., славяне постепенно перемещаются к югу, в Поднестровье, где количество их поселений растёт, в то время как на севере, на Волыни, они исчезают, здесь распространяется вельбаркская культура (Магомедов 2001: 125; Козак 2008: 211; Щукин 2005: 107-108). Эта археологически фиксируемая картина хорошо согласуется со сведениями Иордана о победе готов над спалами при покорении Волыни-«Ойума» (подробнее о волынской локализации Ойума и войне готов со спалами см.: Жих 2014: 76-103; 2016: 110-143; 2020: 8-43).

Этноним спалы, очевидно, связан со славянским «исполин» (Miklosich 1886: 318; Седов 2002: 148; ЭССЯ 1981: 240-242). В преданиях многих народов говорится о том, что некогда землю населяли мифические великаны, которым на смену пришли обычные люди, нередко так тот или иной народ осмысляет историю своей борьбы с какими-то древними сильными врагами. Славяне, к примеру, так осмыслили свою борьбу с аварами. В Повести временных лет пересказано славянское эпическое

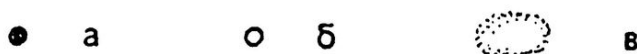
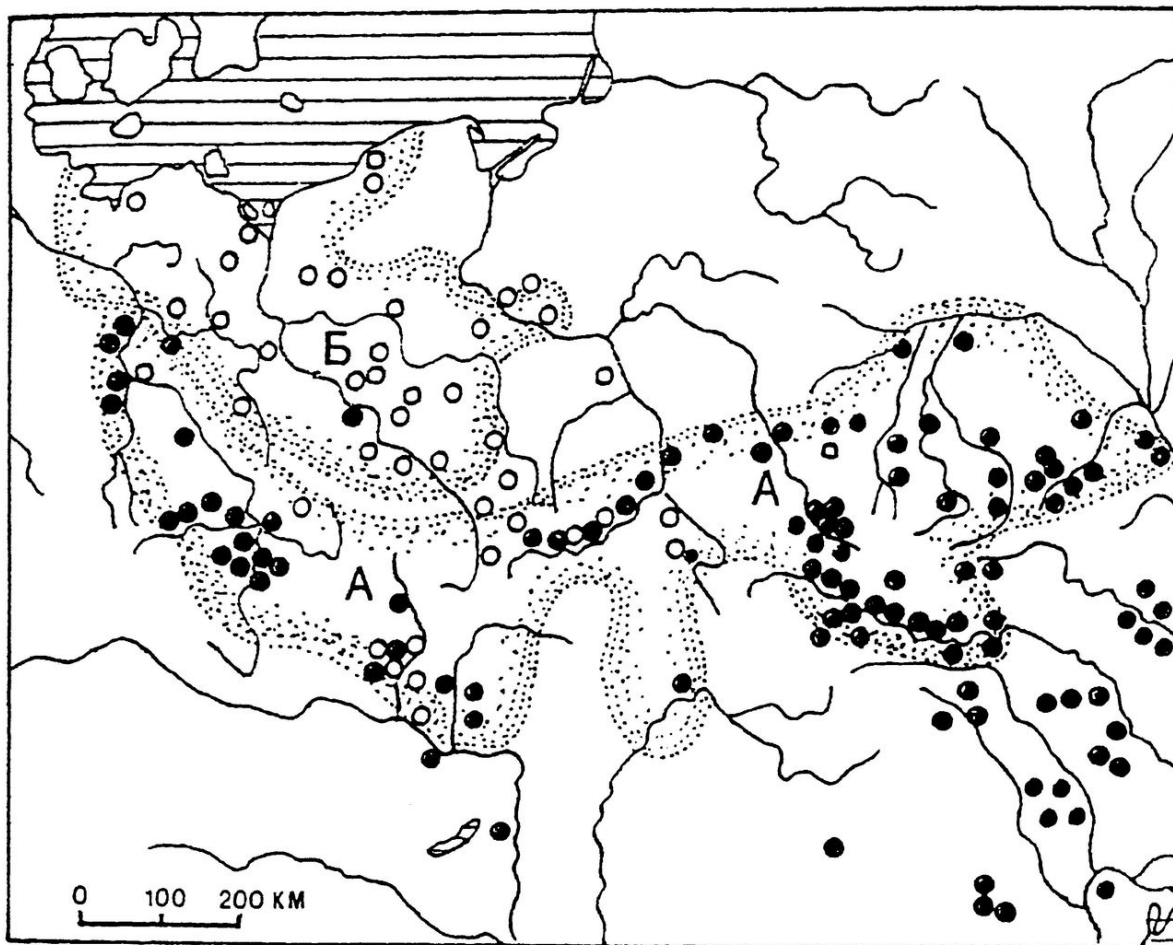

Рис. 62. Распространение двух типов жилищ в раннесредневековом славянском мире

а — поселения с жилищами-полуземлянками; **б** — поселения с наземными домами с подпольными ямами; **в** — ареалы пражско-корчакской (А) и суковско-дзедзицкой культур (Б).

Рис. 9. Два типа жилищ в раннесредневековом славянском мире (Седов 2002: 306)

сказание о войне между аварами и дулебами, в котором авары наделены чертами мифических великанов, предшествовавших заселению земли обычными людьми (ПСРЛ. I: 11-12). Аналогично и «в старопольской традиции авары-обры наделялись обликом допотопных – доисторических – исполинов» (Петрухин, Раевский 2004: 178). Видимо, в готском эпосе в качестве древних великанов, противников готов, рассматривались славяне.

Захваченная готами у славян Волынь стала важным готским центром и своеобразной базой для дальнейшей экспансии «вельбаркцев»-готов в земли Скифии, одним из районов кристаллизации черняховской культуры. Ныне учёные связывают основу полиэтничных черняховских памятников с готами (Магомедов 2001: 115-117). Славяне в черняховском ареале преобладали преимущественно в районе верховий Днестра (памят-

ники типа Черепин-Теремцы), куда они ушли под натиском готов с Волыни. Войдя в состав полиэтничной черняховской общности славяне сохранили свои этнографические особенности (Магомедов 2001: 124-129). М.Б. Щукин и вовсе высказался за исключение памятников типа Черепин-Теремцы из состава черняховской культуры в силу их выраженного своеобразия (Щукин 2005: 109-112).

В Днепровском Левобережье севернее «черняховцев», а частично и чересполосно с ними проживали потомки «зарубинцев» – носители киевской археологической культуры, на основе которой после краха черняховской общности в результате гуннского нашествия и ухода большей части её носителей, формируется на южной кромке лесостепи антская пеньковская культура. В ходе её формирования, очевидно, имел место

своеобразный славяно-иранский симбиоз (он хорошо описан в работах В.В. Седова, хотя учёный ошибочно, по всей видимости, относил его к черняховскому времени: Седов 1994: 270-282; Седов 2002: 186-198): после нашествия гуннов тюркизация южнорусских степей произошла далеко не сразу, весьма значительное время здесь по-прежнему проживали большие массивы иранского населения, игравшего важную роль даже в период существования Великой Болгарии (Галкина 2011: 3-32).

Одним из ключевых вопросов раннеславянской археологии и истории является становление пражской археологической культуры. Согласно мнению ряда польских учёных (Й. Костшевский, К. Яжджевский, З. Хильчерувна, В. Шиманский и т.д.), подержанному И.П. Русановой, она восходит к славянским памятникам пшеворской культуры (Русанова 1976: 202-215). По мнению В.Д. Барана становление пражской культуры происходит в Верхнем Поднестровье на основе черняховских памятников типа Черепин-Теремцы (Баран 1961; 1981; 1983: 5-47; 1988; 2008; Баран, Гопкало 2005), которые, впрочем, тоже восходят к пшеворской культуре, и отсюда она постепенно распространяется на другие территории. В.В. Седов сделал справедливый вывод, что две эти гипотезы не исключают, а взаимодополняют друг друга и в качестве региона становления пражской культуры определил всё обширное пространство от верховий Одера на западе до верховий Днестра на востоке (Седов 1994: 290-296; 2002: 307-310).

После гибели провинциально-римских пшеворской и черняховской культур в результате гуннского нашествия, входившее в их состав славянское население пережило процесс интеграции, в результате которого и образовалась новая культурная общность – пражская культура, носители которой, вероятно, первоначально и назывались этнонимом словене – «ясно говорящие». Исторические условия возникновения этого этнонима нам пока не ясны, вероятно, он родился в условиях противостояния славян какому-то иноэтничному окружению, возможно, в условиях столкновения славян с кельтами и германцами в ходе их наступления на славянщину в период культур подклёшевых погребений и пшеворской. В дальнейшем этот этноним распространился на весь славяноязычный мир. С конца V в. начинается активное расселение носителей пражской культуры по соседним регионам в итоге которого она распространилась на огромной территории.

При этом количество пражских памятников существенно уступает количеству пшеворских (Русанова 1976: 207), что указывает на то, что в ходе бурных событий эпохи великого переселения народов Повисленье покинули значительные массы населения (Русанова 1976: 207), как славянского, так и германского. В.В. Седов показал, что в середине I тыс. н.э. значительные массы славян ушли из этого региона из-за ухудшения климата и нестабильной ситуации на северо-восток, где, по мнению учёного, создали культуры длинных курганов, браслетообразных сомкнутых височных колец и новгородских сопок (Седов 1994: 296-304; 2002: 348-402).

В последние годы И.О. Гавритухиным была выдвинута новая гипотеза генезиса пражской культуры. Её ста-

новление согласно ей произошло в бассейне Припяти во второй половине IV в., по всей видимости, на основе каких-то позднезарубинецких групп, и отсюда она начала постепенно распространяться на юг и запад (Гавритухин 2000: 72-90; 2009: 7-25). Эта гипотеза вызывает серьёзные вопросы (Загорюльский 2012: 186-187, 190; Назин 2017: 94-96). Во-первых, не понятно как мог живущий на маленькой территории небольшой этнос (поселений IV в. и предшествующего времени в Поприпятье известно очень мало, что указывает на небольшую плотность населения) в течение весьма непродолжительного времени заселить огромные территории и «переварить» их население. Во-вторых, эта гипотеза не объясняет существования «пражской» керамики в рамках пшеворской культуры, перерастания памятников верховий Днестра и некоторых пшеворских регионов в пражскую культуру (Седов 1994: 290-296).

По всей видимости, гипотеза И.О. Гавритухина не противоречит выводам В.В. Седова относительно генезиса пражской культуры на широкой территории как следствия процесса интеграции разных славянских групп в условиях крушения провинциально-римского мира, а вписывается в них в качестве составной части, просто северо-восточную границу этого процесса следует отодвинуть до Припяти.

Таким образом, процесс сложения пражской культуры рисуется ныне как интеграция оставшегося в Северном Прикарпатье славянского населения пшеворской культуры, славянского населения в черняховской культуре, представленного памятниками типа Черепин-Теремцы и живших к северу от него вплоть до Припяти позднезарубинецких групп. В условиях краха провинциально-римского мира исчезли различия между разными группами славян, жившими в составе разных провинциально-римских культурных образований (или вне их), исчезла «вуаль» отграничивающая одних славян от других в глазах археологов (например, специфическая керамика, производимая в специализированных ремесленных центрах и распространявшаяся по всей территории пшеворской и черняховской культур и придающая им единообразие), и сформировалась единая пражская культура, объединившая славян на большой территории.

На основе северной части славянских древностей пшеворской культуры формируется суковско-дзедзицкая культура (Седов 2002: 328-329). Она резко отличается от пражской по характеру домостроительства: для пражской культуры характерны жилища-полуземлянки, а для суковско-дзедзицкой – наземные дома с подпольными ямами), что никак не позволяет вывести вторую культуру из первой, как это делает И.О. Гавритухин (Гавритухин 2009: 15).

Интересно, что аналогичное разделение по типу жилищ наблюдается и в восточнославянском ареале: на севере Восточно-Европейской равнины были распространены наземные жилища, южнее – полуземлянки (Седов 2005: 19). Данное обстоятельство в совокупности с рядом иных этнографических маркеров дало В.В. Седову основание отнести суковско-дзедзицкую культуру и культуры севера Восточно-Европейской равнины (длинных

курганов, сопок, браслетообразных височных колец) к единой, венедской, группе славян, сформировавшейся ещё в пшеворскую эпоху (Седов 2002: 324-402). Эта группа была соотнесена учёным с одной из двух древнейших диалектных единиц праславянского языка, которую выделили лингвисты и в которую входили предки лехитов и северных русских (Седов 2004: 3-15).

Иная концепция генезиса северных восточнославянских культур, восходящая к идеям П.Н. Третьякова о заселении севера Восточной Европы не центральноевропейскими переселенцами, а расселяющимися на север потомками «зарубинцев» (Третьяков 1966; 1970; 1982), развивается ныне Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасьевым. Эти исследователи считают, что начиная с III в. потомки «зарубинцев», носители киевской культуры, расселялись в северном направлении, что привело к возникновению памятников круга Заозерье-Узмень, на основе которых впоследствии сфор-

мируются культуры длинных курганов и тушемлинская (Лопатин, Фурасьев 2007).

Возможно, северные восточнославянские культуры сложились как результат синтеза культурных традиций средневропейских мигрантов и продвинувшихся на север потомков носителей киевской культуры. При этом в сложении разных культур роль этих двух миграционных потоков могла быть различной. Так, учитывая, что в древненовгородском диалекте наличествовали два компонента, лишь один из которых имеет западнославянские языковые связи, можно осторожно предположить, что если в становлении культуры длинных курганов решающим был миграционный импульс из Повисленья, то предпочтительны памятники связаны преимущественно с южной миграционной волной. Дальнейшие исследования в области археологии в сочетании с изучением палео-ДНК должны пролить свет на данный вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

- Баран 1961** - Баран В.Д. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. К.: Наукова думка, 1961. 126 с.
- Баран 1981** - Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). К.: Наукова думка, 1981. 264 с.
- Баран 1983** - Баран В.Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. К.: Наукова думка, 1983. С. 5-47.
- Баран 1988** - Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). К.: Наукова думка, 1988. 160 с.
- Баран 2008** - Баран В.Д. Слов'янське поселення середини I тисячоліття нашої ери біля села Теремці на Дністрі. К., 2008. 134 с.
- Баран, Гопкало 2005** - Баран В.Д., Гопкало О.В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. К., 2005. 144 с.
- Бернштейн 1961** - Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Издательство АН СССР, 1961. 352 с.
- Бірбрауер 1995** - Бірбрауер Ф. Готи в I-VII ст.: Територія розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 32-51.
- Брюсов 1961** - Брюсов А.Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н.э. // Советская археология. 1961. № 3. С. 14-33.
- Витчак 1989** - Витчак К.Т. О первоначальных венетах // Этимология. 1986-1987. М.: Наука, 1989. С. 107-114.
- Гавритухин 2000** - Гавритухин И.О. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Т. 1. Київ; Чернівці, 2000. С. 72-90.
- Гавритухин 2009** - Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 7-25.
- Галкина 2011** - Галкина Е.С. К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1 (9). С. 3-32.
- Гимбутас 2006** - Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы / Перевод с английского М.С. Неклюдовой. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с.
- Гимбутас 2021** - Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря / Перевод с английского С. Федорова. М.: Центрполиграф, 2021. 223 с.
- Гимбутас 2021а** - Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / Перевод с английского Ф.С. Капицы. М.: Центрполиграф, 2021. 216 с.
- Горнунг 1958** - Горнунг Б.В. К дискуссии о балто-славянском языковом и этническом единстве // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 55-62.
- Горнунг 1963** - Горнунг Б.В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М.: Издательство АН СССР, 1963. 143 с.
- Горюнов 1981** - Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. 134 с.
- Грацианский 2012** - Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский Временник. Т. 71 (96). С. 27-39.
- Даниленко 1955** - Даниленко В.Н. Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра // Краткие сообщения Института археологии. 1955. № 4. С. 27-29.
- Даркевич 1961** - Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. 1961. № 4. С. 91-102.
- Жих 2014** - Жих М.И. Славяне и готы на Волыни и в Верхнем Поднестровье. Проблема локализации земли Oium и «племени» (gens) Spali // Международный исторический журнал «Русин». 2014. № 2 (36). С. 76-103.

- Жих 2016** - Жих М.И. Древние славяне на Волини (I тыс. н.э.). Часть первая // Исторический формат. 2016. № 1. С. 110-143.
- Жих 2020** - Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.
- Журавлёв 1968** - Журавлёв В.К. К проблеме балто-славянских языковых отношений // Baltistica. 1968. Vol. IV (2). С. 167-177.
- Загорюльский 2012** - Загорюльский Э.М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск: Белорусский государственный университет, 2012. 367 с.
- Золотарёв 1964** - Золотарёв А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
- Иордан 2013** - Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Второе издание (Византийская библиотека. Источники). СПб.: Алетей, 2013. 512 с.
- Каспарова 1981** - Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // Советская археология. 1981. № 2. С. 57-79.
- Каспарова, Максимов 1993** - Каспарова К.В., Максимов Е.В. Культура Поянешти-Лукашевка // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 85-95.
- Клёсов 2015** - Клёсов А.А. Степь и язык – очередное недоразумение популяционных генетиков. 2015 / Электронный ресурс: <http://pereformat.ru/2015/02/steppe-and-languages/> (дата обращения – 03.02.2020).
- Клёсов 2015а** - Клёсов А.А. Читая В.В. Седова. «Происхождение и ранняя история славян» с точки зрения ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2015. № 4. С. 174-228.
- Клёсов 2017** - Клёсов А.А. История ариев и эрбинов. Европейский Запад против европейского Востока. М.: Концептуал, 2017. 320 с.
- Козак 1984** - Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї та Західному Побужжі. К.: Наукова думка, 1984. 128 с.
- Козак 1993** - Козак Д.Н. Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 53-66.
- Козак 2008** - Козак Д.Н. Венеди. К., 2008. 470 с.
- Кухаренко 1960** - Кухаренко Ю.В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // Советская археология. 1960. № 1. С. 289-300.
- Лопатин, Фурасьев 2007** - Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V веках н.э. М.: Институт археологии РАН, 2007. 252 с.
- Магомедов 2001** - Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. 290 с.
- Максимов 1972** - Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. К.: Наукова думка, 1972. 184 с.
- Максимов 1982** - Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. К.: Наукова думка, 1982. 180 с.
- Мартынов 1963** - Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (к проблеме прародин славян). Минск: Издательство Академии наук БССР, 1963. 250 с.
- Мартынов 1989** - Мартынов В.В. Славянский, италийский, балтийский (глотогенез и его верификации) // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 37-44.
- Мартынов 2004** - Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глотогенеза славян. М.: УРСС, 2004. 110 с.
- Назин 2017** - Назин С.В. Происхождение славян: реконструкция этнонима, прародин и древнейших миграций. М.: Грифон, 2017. 280 с.
- Напольских 2006** - Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3-19.
- Николаев 1990** - Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54-63.
- Обломский 1991** - Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. М.; Сумы, 1991. 287с.
- Обломский 2002** - Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.). М.: Наука, 2002. 255 с.
- Обломский, Терпиловский 1991** - Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I-II вв. н.э. М.: Институт археологии АН СССР, 1991. 173 с.
- Обломский, Терпиловский 1994** - Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Посейм'я у латенський час // Археологія. 1994. № 3. С. 41-51.
- Орел 1997** - Орел В.Э. Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балто-славянские исследования. 1988-1996. М.: Наука, 1997. С. 332-358.
- Откупщиков 1989** - Откупщиков Ю.В. Балто-славянская ремесленная лексика (названия металлов, металлургия, кузнечное дело) // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 44-53.
- Пачкова 2006** - Пачкова С.П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. К., 2006. 372 с.
- Петров 2019** - Петров С. Конь, колесо и колесница: Как предки русских создали современный мир. М.: Издательские решения, 2019. 558 с.
- Петрухин, Раевский 2004** - Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004. 416 с.
- Поболь 1971** - Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1971. 232 с.

Позднезарубинецкие памятники 2010 - Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I-II в. н.э.) / Составители: Обломский А.М., Терпиловский Р.В. / Раннеславянский мир. Вып. 12. М.: Институт археологии РАН, 2010. 332 с.

Прозоров - Прозоров Л.Р. Русь языческая. Сумерки русских богов. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 544 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

Рожанский 2015 - **Рожанский И.Л.** Кто такие немцы? Ономастика и ДНК-генеалогия // Исторический формат. 2015. № 3. С. 87-106.

Русанова 1976 - **Русанова И.П.** Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. 194 с.

Русанова 1988 - **Русанова И.П.** Об общественной структуре пшеворских поселений // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988. С. 8-19.

Русанова 1990 - **Русанова И.П.** Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 119-150.

Русанова 1993 - **Русанова И.П.** Введение // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М.: Наука, 1993. С. 5-18.

Русанова 1993а - **Русанова И.П.** Вельбарская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 183-191.

Рыбаков 1981 - **Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

Свод I - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. 474 с.

Седов 1970 - **Седов В.В.** Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970. 200 с.

Седов 1979 - **Седов В.В.** Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 156 с.

Седов 1994 - **Седов В.В.** Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 343 с.

Седов 2002 - **Седов В.В.** Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Седов 2002а: - **Седов В.В.** О происхождении балтов // Проблемы археологии Евразии. Сборник к 90-летию Н.Я. Мерперта. М., 2002. С. 21-28.

Седов 2004 - **Седов В.В.** Первое членение славян на две диалектные области // Краткие сообщения Института археологии. 2004. № 217. С. 3-15.

Седов 2005 - **Седов В.В.** Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // Краткие сообщения Института археологии. 2005. № 218. С. 12-24.

Серебренников 1955 - **Серебренников Б.А.** Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 19-31.

Серебренников 1957 - **Серебренников Б.А.** О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским // Труды АН Литовской ССР. Серия А-1. Вильнюс, 1957. С. 69-72.

Терпиловский 1984 - **Терпиловский Р.В.** Ранние славяне Подесенья III-V вв. К.: Наукова думка, 1984. 124 с.

Терпиловский 2004 - **Терпиловский Р.В.** Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin, 2004. 232 с.

Топоров 1966 - **Топоров В.Н.** О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы // Slavica Pragensia. 1966. Vol. VIII. С. 255-263.

Топоров 1966а - **Топоров В.Н.** К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы // Baltistica. 1966. Vol. I (2). С. 103-111.

Топоров 1973 - **Топоров В.Н.** К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание. М.: Наука, 1973. С. 30-63.

Топоров 1980 - **Топоров В.Н.** К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 264-292.

Топоров 1983 - **Топоров В.Н.** Новые работы о следах пребывания пруссов к западу от Вислы // Балто-славянские исследования. 1982. М.: Наука, 1983. С. 263-272.

Топоров, Трубачёв - **Топоров В.Н., Трубачёв О.Н.** Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962. 271 с.

Третьяков 1960 - **Третьяков П.Н.** Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура // Советская археология. 1960. № 1. С. 36-46.

Третьяков 1966 - **Третьяков П.Н.** Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.

Третьяков 1967 - **Третьяков П.Н.** Восточные славяне и балтийский субстрат // Советская этнография. 1967. № 4. С. 110-118.

Третьяков 1968 - **Третьяков П.Н.** Зарубинецкая культура и поднепровские славяне // Советская археология. 1968. № 4. С. 58-68.

Третьяков 1970 - **Третьяков П.Н.** У истоков древнерусской народности / Материалы и исследования по археологии СССР. № 179. Л.: Наука, 1970. 156 с.

Третьяков 1982 - **Третьяков П.Н.** По следам древних славянских племён. Л.: Наука, 1982. 144 с.

Трубачёв 1966 - **Трубачёв О.Н.** Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966. 416 с.

Трубачёв 1967 - **Трубачёв О.Н.** Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М.: Наука, 1967. С. 3-81.

Трубачёв 1968 - **Трубачёв О.Н.** Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. 289 с.

Трубачёв 1974 - **Трубачёв О.Н.** Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.

Трубачёв 2002 - **Трубачёв О.Н.** Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002. 488 с.

- Филин 1962** - Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л.: Наука, 1962. 296 с.
- Финно-угры и балты 1987** - Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.
- Щукин 1994** - Щукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий VI в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.
- Щукин 2005** - Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
- Эпоха бронзы 1987** - Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. Бадер О.Н., Крайнов Д.А., Косарев М.Ф. М.: Наука, 1987. 472 с.
- ЭССЯ 1981** - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 252 с.
- Anthony 2007** - Anthony D. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, 2007. 553 с.
- Anthony, Ringe 2015** - Anthony D., Ringe D. The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives Article // Annual Review of Linguistics. 2015. № 1. S. 199-219.
- Bierbrauer 1994** - Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 28. Berlin; New York, 1994. S. 51-171.
- Birnbaum 1973** - Birnbaum H. O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej (kilka uwag o stosunku różnych podejść) // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Vol. 1. Linguistics and Poetics. Los-Angeles, 1973. S. 33-58.
- Blažek, Novotná 2007** - Blažek V., Novotná P. Glottochronology and its application on the Balto-Slavic languages (1) // Baltistica. 2007. Vol. XLII (2). S. 185-210.
- Blažek, Novotná 2007a** - Blažek V., Novotná P. Glottochronology and its application on the Balto-Slavic languages (2) // Baltistica. 2007. Vol. XLII (3). S. 323-346.
- Casemir, Udolph 2006** - Casemir K., Udolph J. Die Bedeutung des Baltischen für die niedersächsische Ortsnamenforschung // Baltu onomastikos tyrimai, Gedenkschrift Alexander Vaganas. Wilnus, 2006. S. 114-136.
- Gimbutas 1994** - Gimbutas M. Das Ende Alteuropas. Der Einfale von Steppennomaden aus Südrußland und die Indogermanisierung Mitteleuropas // Archaeolingu Alapitvany. Budapest, 1994. S. 13-135.
- Godłowski 1985** - Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w Południowej i Środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich // Prace Komisji Archeol. Polska Akad. Nauk. № 23. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985. S. 1-213.
- Haak et al. 2015** - Wolfgang Haak et al. Massive Migration from the Steppe is a Source for Indo-European Languages in Europe // Nature. 2015. № 522. S. 207-211.
- Jamka 1933** - Jamka R. Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Malopolsce Zachodniej // Przegląd archeologiczny. T. V. Z. 1. Poznan, 1933. S. 23-62.
- Jankuhn 1970** - Jankuhn H. Germanen und Slawen // Berichte tiber den II. Internationalen Kongress für Slawische Archaologie. Bd. I. Berlin, 1970. S. 55-74.
- Jazdzewski 1959** - Jazdzewski K. Das gegenseitige Verhältnis slawischer und germanischer Elemente in Mitteleuropa seit dem Hunneneinfall bis zur awarischen Landnahme an der mittleren Donau // Archeologia Polona. 1959. T. 11. S. 51-70.
- Kolendo 1981** - Kolendo J. Źródła pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981. S. 70-78.
- Kostrzewski 1961** - Kostrzewski J. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (od połowy II tysiąclecia p. n.e. do wczesnego średniowiecza). Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe (Oddział w Poznaniu), 1961. 144 s.
- Łowmiański 1964** - Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e. T. I. Warszawa, 1964. 418 s.
- Miklosich 1886** - Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. 556 s.
- Parczewski 2005** - Parczewski M. Podstawy lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian // Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji. Kraków, 19-21 listopada 2001 / Wyd. Piotr Kaczanowski, Michał Parczewski. Kraków: Instytut Archeologii UJ, 2005. S. 65-78.
- Rosen-Przeworska 1964** - Rosen-Przeworska J. Tradysje celtyckie w obrzędowości protosłowian. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1964. 291 s.
- Saag et al. 2020** - Saag L., Vasilyev S.V., Oshibkina S.V. et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain. 2020 / Электронный ресурс: <https://advances.sciencemag.org/content/7/4/eabd6535> (дата обращения - 03.02.2020).
- Schall 1962** - Schall H. Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel // Forschungen und Fortschritte. Vol. 36-2. Berlin, 1962. S. 56-60.
- Schall 1964** - Schall H. Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens // Zeitschrift für vergleichende Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1964. S. 123-170.
- Schall 1966** - Schall H. Baltische Gewässernamen im Flußsystem «obere Havel» // Baltistica. 1966. Vol. II (1). S. 7-42.
- Szymanski 1967** - Szymanski W. Szeligi pod Plockiem na początku wczesnego sredniowiecza. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1967.
- Udolph 1999** - Udolph J. Baltisches in Niedersachsen? // Florilegium Linguisticum. Festschrift für W. Schmidt zum 70. Geburtstag. Frankfurt/Main, 1999. S. 493-508.
- Udolph 2011** - Udolph J. «Baltisches» und «Slavisches» in norddeutschen Ortsnamen // Interferenz-Onomastik. Namen in Grenz- und Begegnungsräumen in Geschichte und Gegenwart. Saarbrücken, 2011. S. 313-331.
- Wołagiewicz 1981** - Wołagiewicz R. Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981. S. 79-106.

REFERENCES

- Anthony 2007 - Anthony D.** The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World, Princeton, 2007, 553 p. [in English].
- Anthony, Ringe 2015 - Anthony D., Ringe D.** The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives Article, in: Annual Review of Linguistics, 2015, № 1, pp. 199-219 [in English].
- Baran 1961 - Baran V.D.** Poselennya pershih stolit' nashoi eri bilya sela CHerepin [Settlements of the first centuries of our era near the village of Cherepin]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1961, 126 p. [in Ukrainian].
- Baran 1981 - Baran V.D.** CHernyakhivska kul'tura (za materialami Verhn'ogo Dnistra ta Zahidnogo Bugu) [Chernyakhovskaya culture (based on materials from the Upper Dniester and Western Bug)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1981, 264 p. [in Ukrainian].
- Baran 1983 - Baran V.D.** Slozhenie slavyanskoj rannesrednevekovoj kul'tury i problema rasseleniya slavyan [The formation of the Slavic early medieval culture and the problem of the settlement of the Slavs], in: Slavyane na Dnestre i Dunae [Slavs on the Dniester and Danube], Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 5-47 [in Russian].
- Baran 1988 - Baran V.D.** Prazhskaya kul'tura Podnestrov'ya (po materialam poseleniya u s. Rashkov) [Prague culture of the Dniester region (based on materials from a settlement near the village of Rashkov)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, 160 p. [in Russian].
- Baran 2008 - Baran V.D.** Slov'yans'ke poselennya seredini I tisyacholittya nashoi eri bilya sela Teremci na Dnistri [Slavic settlements of the middle of the 1st millennium AD near the village of Teremtsy on the Dniester], Kiev, 2008, 134 p. [in Ukrainian].
- Baran, Gopkalo 2005 - Baran V.D., Gopkalo O.V.** CHernyakhivsk'i poselennya bassejnu Gnoloi Lipi [Chernyakhovsk settlements of the Rotten Lipa basin], Kiev, 2005, 144 p. [in Ukrainian].
- Bernshtejn 1961 - Bernshtejn S.B.** Oчерк sravnitel'noj grammatiki slavyanskih yazykov [An outline of the comparative grammar of the Slavic languages], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, 352 p. [in Russian].
- Bierbrauer 1994 - Bierbrauer V.** Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. [Archeology and history of the Goths from 1-7. Year], in: Frühmittelalterliche Studien [Early Medieval Studies], Vol. 28, Berlin; New York, 1994, pp. 51-171 [in German].
- Birbrauer 1995 - Birbrauer F.** Goti v I-VII st.: Teritoriya rozselennya ta prosvannya za arheologichnimi dzherelami [Goths in the I-VII centuries: Territory of settlement and advancement according to archaeological sources], in: Arheologiya [Archeology], 1995, № 2, pp. 32-51 [in Ukrainian].
- Birnbaum 1973 - Birnbaum H.** O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej (kilka uwag o stosunku różnych podejść) [On the possibility of recreating the original state of the Proto-Slavic language by means of internal reconstruction and the comparative method (a few remarks on the relation of different approaches)], in: American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, Vol. 1, Linguistics and Poetics, Los-Angeles, 1973, pp. 33-58 [in Polish].
- Blažek, Novotná 2007 - Blažek V., Novotná P.** Glottochronology and its application on the Balto-Slavic languages (1), in: Baltistica, 2007, Vol. XLII (2), pp. 185-210 [in English].
- Blažek, Novotná 2007a: Blažek V., Novotná P.** Glottochronology and its application on the Balto-Slavic languages (2), in: Baltistica, 2007, Vol. XLII (3), pp. 323-346 [in English].
- Bryusov 1961 - Bryusov A.YA.** Ob ekspansii «kul'tur s boevymi toporami» v konce III tysyacheletiya do n.e. [About the expansion of "battle-axed cultures" at the end of the 3rd millennium BC.], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1961, № 3, pp. 14-33 [in Russian].
- Casemir, Udolph 2006 - Casemir K., Udolph J.** Die Bedeutung des Baltischen für die niedersächsische Ortsnamenforschung [The importance of the Baltic for research on place names in Lower Saxony], in: Baltu onomastikos tyrimai, Gedenkschrift Alexander Vaganas [Memorial by Alexander Vaganas], Wilnus, 2006, pp. 114-136 [in German].
- Danilenko 1955 - Danilenko V.N.** Slavyanskie pamyatniki I tys. n.e. v bassejne Dnepra [Slavic monuments of the 1st millennium AD in the Dnieper basin], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archeology], 1955, № 4, pp. 27-29 [in Russian].
- Darkevich 1961 - Darkevich V.P.** Topor kak simbol Peruna v drevnerusskom yazychestve [Ax as a symbol of Perun in ancient Russian paganism], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1961, № 4, pp. 91-102 [in Russian].
- Epoha bronzy 1987 - Epoha bronzy lesnoj polosy SSSR / Otv. red. Bader O.N., Krajnov D.A., Kosarev M.F.** [The era of the bronze of the forest belt of the USSR / Executive editors Bader O.N., Krainov D.A., Kosarev M.F.], Moscow, Nauka Publ., 1987, 472 p. [in Russian].
- ESSYA 1981 - Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond / Pod red. O.N. Trubachyova** [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund / Edited by O.N. Trubachev], Vol. 8, Moscow, Nauka Publ., 1981, 252 p. [in Russian].
- Filin 1962 - Filin F.P.** Obrazovanie yazyka vostochnyh slavyan [Education of the language of the Eastern Slavs], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1962, 296 p. [in Russian].
- Finno-ugry i balty 1987 - Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya / Otv. red. V.V. Sedov** [Finno-Ugric and Balts in the Middle Ages / Executive editor V.V. Sedov], Moscow, Nauka Publ., 1987, 512 p. [in Russian].
- Galkina 2011 - Galkina E.S.** K voprosu o roli Velikoj Bulgarii v etnopoliticheskoj istorii Vostochnoj Evropy [On the question of the role of Great Bulgaria in the ethno-political history of Eastern Europe], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2011, № 1 (9), pp. 3-32 [in Russian].
- Gavrituhin 2000 - Gavrituhin I.O.** Nachalo velikogo slavyanskogo rasseleniya na yug i zapad [The beginning of the great Slavic settlement to the south and west], in: Arheologichni studii [Archaeological research], Vol. 1, Kiev; Chernivtsi, 2000, pp. 72-90 [in Russian].

- Gavrituhin 2009 - Gavrituhin I.O.** Ponyatie prazhskoj kul'tury [Prague culture concept], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Works of the State Hermitage], Vol. 49, St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 7-25 [in Russian].
- Gimbutas 1994 - Gimbutas M.** Das Ende Alteuropas. Der Einfall von Steppennomaden aus Südrussland und die Indogermanisierung Mitteleuropas [The fall of steppe nomads from southern Russia and the Indo-Germanization of Central Europe], in: Archaeologica Alapitvany, Budapest, 1994, pp. 13-135 [in German].
- Gimbutas 2006 - Gimbutas M.** Civilizaciya Velikoj Bogini: Mir Drevnej Evropy / Perevod s anglijskogo M.S. Neklyudovoj [Civilization of the Great Goddess: The World of Ancient Europe / Translated from English by M.S. Neklyudova], Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 572 p. [in Russian].
- Gimbutas 2021 - Gimbutas M.** Balty. Lyudi yantarnogo morya / Perevod s anglijskogo S. Fedorova [Balts. People of the Amber Sea / Translated from English by S. Fedorov], Moscow, Centrpoligraf Publ., 2021, 223 p. [in Russian].
- Gimbutas 2021a - Gimbutas M.** Slavyane. Syny Peruna / Perevod s anglijskogo F.S. Kapicy [Slavs. Sons of Perun / Translated from English by F.S. Kapitsa], Moscow, Centrpoligraf Publ., 2021, 216 p. [in Russian].
- Godłowski 1985 - Godłowski K.** Przemiany kulturowe i osadnicze w Południowej i Środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich [Cultural and settlement transformations in southern and central Poland in the younger pre-Roman period and in the period of Roman influence], in: Prace Komisji Archeol. Polska Akad. Nauk [The work of the Archeol Commission. Poland Akad. Science], № 23, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985, pp. 1-213 [in Polish].
- Gornung 1958 - Gornung B.V.** K diskussii o balto-slavyanskomazykovom i etnicheskom edinstve [Towards a discussion about the Balto-Slavic linguistic and ethnic unity], in: Voprosy yazykoznanija [Linguistic issues], 1958, № 4, pp. 55-62 [in Russian].
- Gornung 1963 - Gornung B.V.** Iz predystorii obrazovaniya obshchoslavyanskogoazykovogo edinstva [From the prehistory of the formation of a common Slavic linguistic unity], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 143 p. [in Russian].
- Goryunov 1981 - Goryunov E.A.** Rannie etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya [The early stages of the history of the Slavs of the Dnieper Left Bank], Leningrad, Nauka Publ., 1981, 134 p. [in Russian].
- Gracianskij 2012 - Gracianskij M.V.** O proiskhozhdenii etnonima «anty» [About the origin of the ethnonym "Anty"], in: Vizantijskij Vremennik [Byzantine Vremennik], Vol. 71 (96), pp. 27-39 [in Russian].
- Haak et al. 2015 - Wolfgang Haak et al.** Massive Migration from the Steppe is a Source for Indo-European Languages in Europe, in: Nature, 2015, № 522, pp. 207-211 [in English].
- Iordan 2013 - Iordan.** O proiskhozhdenii i deyanijah getov / Vstupitel'naya stat'ya, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzhinskij. Vtoroe izdanie (Vizantijskaya biblioteka. Istochniki) [On the origin and deeds of the Getae / Introductory article, translation and comments by E.Ch. Skrzhinsky. Second edition (Byzantine library. Sources)], St. Petersburg, Aletejya Publ., 2013, 512 p. [in Russian].
- Jamka 1933 - Jamka R.** Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Malopolsce Zachodniej [Cemetery in Kopki (Nizka district) against the background of the Roman period in Western Malopolska], in: Przegląd archeologiczny [Archaeological review], Vol. V, Part 1, Poznan, 1933, pp. 23-62 [in Polish].
- Jankuhn 1970 - Jankuhn H.** Germanen und Slawen [Teutons and Slavs], in: Berichte tiber den II. Internationalen Kongress für Slawische Archaologie [Reports on the II International Congress of Slavic Archeology], Vol. I, Berlin, 1970, pp. 55-74 [in German].
- Jazdzewski 1959 - Jazdzewski K.** Das gegenseitige Verhältnis slawischer und germanischer Elemente in Mitteleuropa seit dem Hunneneinfall bis zur awarischen Landnahme an der mittleren Donau [The mutual relationship between Slavic and Germanic elements in Central Europe from the Huns to the Avar conquest of the central Danube], in: Archeologia Polona, 1959, Vol. 11, pp. 51-70 [in German].
- Kasparova 1981 - Kasparova K.V.** Rol' yugo-zapadnyh svyazej v processe formirovaniya zarubineckoj kul'tury [The role of southwestern ties in the formation of the Zarubintsy culture], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1981, № 2, pp. 57-79 [in Russian].
- Kasparova, Maksimov 1993 - Kasparova K.V., Maksimov E.V.** Kul'tura Poyaneshti-Lukashevka [Poyesti-Lukashevka culture], in: Slavyane i ih sosedi v konce I tys. do n.e. – pervoj polovine I tys. n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC - the first half of the 1st millennium AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 85-95 [in Russian].
- Klyosov 2015 - Klyosov A.A.** Step' i yazyk – ocherednoe nedorazumenie populyacionnyh genetikov [Steppe and language – another misunderstanding of population geneticists], 2015, Electronic resource: <http://pereformat.ru/2015/02/steppe-and-languages/> (Date of access – 03.02.2020) [in Russian].
- Klyosov 2015a - Klyosov A.A.** CHitaya V.V. Sedova. «Proiskhozhdenie i rannaya istoriya slavyan» s tochki zreniya DNK-genealogii [Reading of «The origin and early history of Slavs» by V.V. Sedov from a viewpoint of DNA Genealogy], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 4, pp. 174-228 [in Russian].
- Klyosov 2017 - Klyosov A.A.** Istoriya ariev i erbinov. Evropejskij Zapad protiv evropejskogo Vostoka [History of the Aryans and Erbins. European West vs. European East], Moscow, Konceptual Publ., 2017, 320 p. [in Russian].
- Kolendo 1981 - Kolendo J.** Źródła pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim [Sources written in research on the cultural and ethnic zones of Central Europe in the Roman period], in: Problemy kultury wielbarskiej [Problems of the Wielbark culture], Ślupsk, 1981, pp. 70-78 [in Polish].
- Kostrzewski 1961 - Kostrzewski J.** Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (od połowy II tysiąclecia p. n.e. do wczesnego średniowiecza) [The issue of the continuity of the population of the Polish lands in prehistory (from the middle of the 2nd millennium BC to the early Middle Ages)], Poznań, Państwowe Wydawnictwo Naukowe (Oddział w Poznaniu) Publ., 1961, 144 p. [in Polish].
- Kozak 1984 - Kozak D.N.** Pshevors'ka kul'tura u Verhn'omu Podnistrov'i ta Zahidnomu Pobuzhzhzi [Przeworsk culture in the Upper Dniester and Western Bug regions], Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 128 p. [in Ukrainian].
- Kozak 1993 - Kozak D.N.** Pshevorskaya kul'tura [Przeworsk culture], in: Slavyane i ih sosedi v konce I tys. do n.e. – pervoj polovine I tys. n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC - the first half of the 1st millennium AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 53-66 [in Russian].

- Kozak 2008** - Kozak D.N. Venedi [Wends], Kiev, 2008, 470 p. [in Ukrainian].
- Kuharenko 1960** - Kuharenko YU.V. K voprosu o proiskhozhdenii zarubineckoj kul'tury [On the question of the origin of the Zarubintsy culture], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1960, № 1, pp. 289-300 [in Russian].
- Lopatin, Furas'ev 2007** - Lopatin N.V., Furas'ev A.G. Severnye rubezhi ranneslavjanskogo mira v III-V vekah n.e. [Northern borders of the early Slavic world in the III-V centuries A.D.], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2007, 252 p. [in Russian].
- Łowmiański 1964** - Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e. [The beginnings of Poland. From the history of the Slavs in the first millennium CE], Vol. I, Warszawa, 1964, 418 p. [in Polish].
- Magomedov 2001** - Magomedov B.V. Chernyakhovskaya kul'tura. Problema etnosa [Chernyakhovskaya culture. Ethnicity problem], Lublin, 2001, 290 p. [in Russian].
- Maksimov 1972** - Maksimov E.V. Srednee Podneprov'e na rubezhe nashej ery [Middle Dnieper at the turn of our era], Kiev, Naukova dumka Publ., 1972, 184 p. [in Russian].
- Maksimov 1982** - Maksimov E.V. Zarubineckaya kul'tura na territorii USSR [Zarubintsy culture on the territory of the Ukrainian SSR], Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, 180 p. [in Russian].
- Martynov 1963** - Martynov V.V. Slavyano-germanskoe leksicheskoe vzaimodejstvie drevnejšej pory (k probleme prarodiny slavyan) [Slavic-Germanic lexical interaction of the most ancient times (to the problem of the ancestral home of the Slavs)], Minsk, Izdatel'stvo Akademii nauk BSSR Publ., 1963, 250 p. [in Russian].
- Martynov 1989** - Martynov V.V. Slavyanskij, italijskij, baltijskij (glottogenez i ego verifikacii) [Slavic, Italian, Baltic (glottogenesis and its verification)], in: Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya (Mezhdisciplinarnye issledovaniya) [Slavs. Ethnogenesis and Ethnic History (Interdisciplinary Studies)], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1989, pp. 37-44 [in Russian].
- Martynov 2004** - Martynov V.V. Yazyk v prostranstve i vremeni. K probleme glottogeneza slavyan [Language in space and time. To the problem of glottogenesis of the Slavs], Moscow, URSS Publ., 2004, 110 p. [in Russian].
- Miklosich 1886** - Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen [Etymological dictionary of the Slavic languages], Wien, 1886, 556 p. [in German].
- Napol'skih 2006** - Napol'skih V.V. Balto-slavyanskij yazykovoj komponent v Nizhnem Prikam'e v seredine I tys. n.e. [Balto-Slavic linguistic component in the Lower Kama region in the middle of the 1st millennium AD], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2006, № 2, pp. 3-19 [in Russian].
- Nazin 2017** - Nazin S.V. Proiskhozhdenie slavyan: rekonstrukcija etnonima, prarodiny i drevnejših migracij [The origin of the Slavs: the reconstruction of the ethnonym, ancestral home and the most ancient migrations], Moscow, Grifon Publ., 2017, 280 p. [in Russian].
- Nikolaev 1990** - Nikolaev S.L. K istorii plemennogo dialekta krivichej [To the history of the Krivichi tribal dialect], in: Sovetskoe slavyanovedenie [Soviet Slavic Studies], 1990, № 4, pp. 54-63 [in Russian].
- Oblomskij 1991** - Oblomskij A.M. Etnicheskie processy na vodorazdele Dnepra i Dona v I-V vv. n.e. [Ethnic processes at the watershed of the Dnieper and Don in the 1st-5th centuries. AD], Moscow; Sumy, 1991, 287 p. [in Russian].
- Oblomskij 2002** - Oblomskij A.M. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V vv. n.e.) [Dnieper forest-steppe Left Bank in late Roman and Hunnic times (mid-III - first half of the 5th centuries AD)], Moscow, Nauka Publ., 2002, 255 p. [in Russian].
- Oblomskij, Terpilovskij 1991** - Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V. Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe Levoberezh'e v I-II vv. n.e. [Middle Dnieper and Dnieper Left Bank in the 1st-2nd centuries. AD], Moscow, Institut arheologii AN SSSR Publ., 1991, 173 p. [in Russian].
- Oblomskij, Terpilovskij 1994** - Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V. Posejm'ya u latens'kij chas [Poseimye in La Tene time], in: Arheologiya [Archeology], 1994, № 3, pp. 41-51 [in Ukrainian].
- Orel 1997** - Orel V.E. Neslavjanskaya gidronimiya bassejnov Visly i Odery [Non-Slavic hydronymy of the Vistula and Oder basins], in: Balto-slavyanskije issledovaniya [Balto-Slavic studies], 1988-1996, Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 332-358 [in Russian].
- Otkupshchikov 1989** - Otkupshchikov YU.V. Balto-slavyanskaya remeslennaya leksika (nazvaniya metallov, metallurgiya, kuznechnoe delo) [Balto-Slavic handicraft vocabulary (names of metals, metallurgy, blacksmithing)], in: Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya (Mezhdisciplinarnye issledovaniya) [Slavs. Ethnogenesis and Ethnic History (Interdisciplinary Studies)], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1989, pp. 44-53 [in Russian].
- Pachkova 2006** - Pachkova S.P. Zarubineckaya kul'tura i latenzirovannye kul'tury Evropy [Zarubintsy culture and latinized cultures of Europe], Kiev, 2006, 372 p. [in Russian].
- Parczewski 2005** - Parczewski M. Podstawy lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian [The basics of locating the original seats of the Slavs], in: Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji. Kraków, 19-21 listopada 2001 / Wyd. Piotr Kaczanowski, Michał Parczewski [Archeology about the origins of the Slavs. Conference materials. Krakow, November 19-21, 2001 / Ed. Piotr Kaczanowski, Michał Parczewski], Kraków, Instytut Archeologii UJ Publ., 2005, pp. 65-78 [in Polish].
- Petrov 2019** - Petrov S. Kon', koleso i kolesnica: Kak predki russkijh sozdali sovremennyj mir [Horse, wheel and chariot: How the Russian ancestors created the modern world], Moscow, Izdatel'skie resheniya Publ., 2019, 558 p. [in Russian].
- Petruhin, Raevskij 2004** - Petruhin V.YA., Raevskij D.S. Oчерки istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e [Essays on the history of the peoples of Russia in antiquity and the early Middle Ages], Moscow, Znak Publ., 2004, 416 p. [in Russian].
- Pobol' 1971** - Pobol' L.D. Slavyanskije drevnosti Belorussii (rannij etap zarubineckoj kul'tury) [Slavic antiquities of Belarus (early stage of Zarubintsy culture)], Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1971, 232 p. [in Russian].

- Pozdnezarubineckie pamyatniki 2010** - Pozdnezarubineckie pamyatniki na territorii Ukrainy (vtoraya polovina I-II v. n.e.) / Sostaviteli: Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V. / Rannelslavjanskij mir [Late Zarubinec monuments on the territory of Ukraine (second half of the 1st-2nd centuries AD) / Compiled by: Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V. / Early Slavic world], Vol. 12, Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2010, 332 p. [in Russian].
- Prozorov - Prozorov L.R.** Rus' yazycheskaya. Sumerki russkih bogov [Pagan Rus. Twilight of the Russian gods], Moscow, YAuz Publ.; Eksmo Publ., 2009, 544 p. [in Russian].
- PSRL. I** - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Vol. I. Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].
- Rosen-Przeworska 1964** - Rosen-Przeworska J. Tradysje celtyckie w obrzედowosci protoslawian [Celtic traditions in proto-Slavic rituals], Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1964, 291 p. [in Polish].
- Rozhanskij 2015** - Rozhanskij I.L. Kto takie nemcy? Onomastika i DNK-genealogiya [Who are «Nemtsi»? Onomastics and DNA-Genealogy], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 3, pp. 87-106 [in Russian].
- Rusanova 1976** - Rusanova I.P. Slavyanskije drevnosti VI-VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa [Slavic antiquities of the 6th-7th centuries Prague-style culture], Moscow, Nauka Publ., 1976, 194 p. [in Russian].
- Rusanova 1988** - Rusanova I.P. Ob obshchestvennoj strukture pshevorskih poselenij [On the social structure of Przewor settlements], in: Arheologicheskie istochniki ob obshchestvennyh otnosheniyah epohi srednevekov'ya [Archaeological Sources on Social Relations of the Middle Ages], Moscow, 1988, pp. 8-19 [in Russian].
- Rusanova 1990** - Rusanova I.P. Etnicheskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury [Ethnic composition of the carriers of the Przewor culture], in: Rannelslavjanskij mir: Materialy i issledovaniya [Early Slavic World: Materials and Research], Vol. 1, Moscow, 1990, pp. 119-150 [in Russian].
- Rusanova 1993** - Rusanova I.P. Vvedenie [Introduction], in: Slavyane i ih sosedi v konce I tysyacheletiya do n.e. – pervoj polovine I tysyacheletiya n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC - the first half of the 1st millennium A.D.], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 5-18 [in Russian].
- Rusanova 1993a** - Rusanova I.P. Vel'barskaya kul'tura [Welbari culture], in: Slavyane i ih sosedi v konce I tys. do n.e. – pervoj polovine I tys. n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC - the first half of the 1st millennium AD], Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 183-191 [in Russian].
- Rybakov 1981** - Rybakov B.A. YAzychestvo drevnih slavyan [Paganism of the ancient Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1981, 608 p. [in Russian].
- Saag et al. 2020** - Saag L., Vasilyev S.V., Oshibkina S.V. et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain, 2020, Electronic resource: <https://advances.sciencemag.org/content/7/4/eabd6535> (Date of access – 03.02.2020) [in English].
- Schall 1962** - Schall H. Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel [Baltic language remnants between the Elbe and the Vistula], in: Forschungen und Fortschritte [Research and Advances], Vol. 36-2, Berlin, 1962, pp. 56-60 [in German].
- Schall 1964** - Schall H. Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens [Baltic dialects in the name of north-west Slavia], in: Zeitschrift für vergleichende Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen [Journal for comparative research in the field of Indo-European languages], 1964, pp. 123-170 [in German].
- Schall 1966** - Schall H. Baltische Gewässernamen im Flußsystem «obere Havel» [Baltic water names in the "upper Havel" river system], in: Baltistica, 1966, Vol. II (1), pp. 7-42 [in German].
- Sedov 1970** - Sedov V.V. Slavyane Verhnego Podneprov'ya i Podvin'ya [Slavs of the Upper Dnieper and Podvina], Moscow, Nauka Publ., 1970, 200 p. [in Russian].
- Sedov 1979** - Sedov V.V. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya slavyan [Origin and early history of the Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1979, 156 p. [in Russian].
- Sedov 1994** - Sedov V.V. Slavyane v drevnosti [Slavs in antiquity], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 343 p. [in Russian].
- Sedov 2002** - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki ruskoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].
- Sedov 2002a** - Sedov V.V. O proiskhozhdenii baltov [About the origin of the Balts], in: Problemy arheologii Evrazii. Sbornik k 90-letiyu N.YA. Merperta [Problems of the archeology of Eurasia. Collection for the 90th anniversary of N.Ya. Merpert], Moscow, 2002, pp. 21-28 [in Russian].
- Sedov 2004** - Sedov V.V. Pervoe chlenenie slavyan na dve dialektnye oblasti [The first division of the Slavs into two dialectal areas], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archeology], 2004, Vol. 217, pp. 3-15 [in Russian].
- Sedov 2005** - Sedov V.V. Sever Vostochno-Evropejskoj ravniny v period pereseleniya narodov i v rannem srednevekov'e (predystoriya severnovelikorusov) [North of the East European Plain during the period of migration of peoples and in the early Middle Ages (prehistory of the North Great Russians)], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archeology], 2005, Vol. 218, pp. 12-24 [in Russian].
- Serebrennikov 1955** - Serebrennikov B.A. Volgo-Okskaya toponimika na territorii Evropejskoj chasti SSSR [Volga-Oka toponymy in the European part of the USSR], in: Voprosy yazykoznanija [Linguistic issues], 1955, Vol. 6, pp. 19-31 [in Russian].
- Serebrennikov 1957** - Serebrennikov B.A. O nekotoryh sledah ischeznuvshego indoevropejskogo yazyka v centre Evropejskoj chasti SSSR, blizkogo k baltijskim [On some traces of the disappeared Indo-European language in the center of the European part of the USSR, close to the Baltic], in: Trudy AN Litovskoj SSR. Seriya A-1 [Proceedings of the Academy of Sciences of the Lithuanian SSR. Series A-1], Vilnius, 1957, pp. 69-72 [in Russian].
- SHCHukin 1994** - SHCHukin M.B. Na rubezhe er: Opyt istoriko-arheologicheskoi rekonstrukcii politicheskikh sobytij VI v. do n.e. – I v. n.e. v Vostochnoj i Central'noj Evrope [At the turn of the eras: The experience of historical and archaeological reconstruction of political events in the 6th century. BC. - I century. AD in Eastern and Central Europe], St. Petersburg, Farn Publ., 1994, 324 p. [in Russian].

- SHCHukin 2005 - SHCHukin M.B.** Gotskij put' (goty, Rim i chernyahovskaya kul'tura) [Gothic way (Goths, Rome and Chernyakhov culture)], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2005, 576 p. [in Russian].
- Svod I - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah** [The collection of the oldest written records of the Slavs], Vol. I, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1994, 474 p. [in Russian].
- Szymanski 1967 - Szymanski W.** Szeligi pod Plockiem na poczatku wczesnego sredniowieczna [Szeligi near Plock at the beginning of the early Middle Ages], Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1967 [in Polish].
- Terpilovskij 1984 - Terpilovskij R.V.** Rannie slavyane Podesen'ya III-V vv. [Early Slavs of the Podedenya III-V centuries], Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 124 p. [in Russian].
- Terpilovskij 2004 - Terpilovskij R.V.** Slavyane Podneprov'ya v pervoj polovine I tys. n.e. [Slavs of the Dnieper in the first half of the 1st millennium AD], Lublin, 2004, 232 p. [in Russian].
- Toporov 1966 - Toporov V.N.** O baltijskikh elementah v gidronimii i toponimii k zapadu ot Visly [On the Baltic elements in hydronymy and toponymy west of the Vistula], in: Slavica Pragensia, 1966, Vol. VIII, pp. 255-263 [in Russian].
- Toporov 1966a - Toporov V.N.** K voprosu o toponimicheskikh sootvetstviyah na baltijskikh territoriyah i k zapadu ot Visly [On the issue of toponymic correspondences in the Baltic territories and west of the Vistula], in: Baltistica, 1966, Vol. I (2), pp. 103-111 [in Russian].
- Toporov 1973 - Toporov V.N.** K frakijsko-baltijskim yazykovym parallelyam [Towards Thracian-Baltic language parallels], in: Balkanskoe yazykoznanie [Balkan linguistics], Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 30-63 [in Russian].
- Toporov 1980 - Toporov V.N.** K rekonstrukcii drevnejshego sostoyaniya praslavyanskogo yazyka [Towards the reconstruction of the oldest state of the Proto-Slavic language], in: Slavyanskoe yazykoznanie. X Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov. Doklady soverskoj delegacii [Slavic linguistics. X International Congress of Slavists. Reports of the Soviet Delegation], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 264-292 [in Russian].
- Toporov 1983 - Toporov V.N.** Novye raboty o sledah prebyvaniya prussov k zapadu ot Visly [New works on the traces of the Prussians to the west of the Vistula], in: Balto-slavyanskije issledovaniya [Balto-Slavic studies], 1982, Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 263-272 [in Russian].
- Toporov, Trubachyov - Toporov V.N., Trubachyov O.N.** Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ya [Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, 271 p. [in Russian].
- Tret'yakov 1960 - Tret'yakov P.N.** Lokal'nye gruppy verhnedneprovskih gorodishch i zarubineckaya kul'tura [Local groups of the Upper Dnieper settlements and the Zarubineckaya culture], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1960, № 1, pp. 36-46 [in Russian].
- Tret'yakov 1966 - Tret'yakov P.N.** Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge [Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, 308 p. [in Russian].
- Tret'yakov 1967 - Tret'yakov P.N.** Vostochnye slavyane i baltijskij substrat [Eastern Slavs and Baltic Substratum], in: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1967, № 4, pp. 110-118 [in Russian].
- Tret'yakov 1968 - Tret'yakov P.N.** Zarubineckaya kul'tura i podneprovskie slavyane [Zarubineckaya culture and the Dnieper Slavs], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1968, № 4, pp. 58-68 [in Russian].
- Tret'yakov 1970 - Tret'yakov P.N.** U istokov drevnerusskoj narodnosti / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [At the origins of the ancient Russian people / Materials and research on the archeology of the USSR], Vol. 179, Leningrad, Nauka Publ., 1970, 156 p. [in Russian].
- Tret'yakov 1982 - Tret'yakov P.N.** Po sledam drevnih slavyanskikh plemyon [In the footsteps of the ancient Slavic tribes], Leningrad, Nauka Publ., 1982, 144 p. [in Russian].
- Trubachyov 1966 - Trubachyov O.N.** Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykah [Craft terminology in Slavic languages], Moscow, Nauka Publ., 1966, 416 p. [in Russian].
- Trubachyov 1967 - Trubachyov O.N.** Iz slavyano-iranskikh leksicheskikh otnoshenij [From Slavic-Iranian lexical relations], in: Etimologiya [Etymology], 1965, Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 3-81 [in Russian].
- Trubachyov 1968 - Trubachyov O.N.** Nazvaniya rek Pravoberezhnoj Ukrainy. Slovoobrazovanie. Etimologiya. Etnicheskaya interpretaciya [The names of the rivers of the Right-Bank Ukraine. Word formation. Etymology. Ethnic interpretation], Moscow, Nauka Publ., 1968, 289 p. [in Russian].
- Trubachyov 1974 - Trubachyov O.N.** Rannie slavyanskije etnonimy – svideteli migracii slavyan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of the migration of the Slavs], in: Voprosy yazykoznanija [Linguistic issues], 1974, № 6, pp. 48-67 [in Russian].
- Trubachyov 2002 - Trubachyov O.N.** Etnogenez i kul'tura drevnejshih slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research], Moscow, Nauka Publ., 2002, 488 p. [in Russian].
- Udolph 1999 - Udolph J.** Baltisches in Niedersachsen? [Baltic in Lower Saxony?], in: Florilegium Linguisticum. Festschrift für W. Schmidt zum 70. Geburtstag [Festschrift for W. Schmidt on his 70th birthday], Frankfurt/Main, 1999, pp. 493-508 [in German].
- Udolph 2011 - Udolph J.** «Baltisches» und «Slavisches» in norddeutschen Ortsnamen ["Baltic" and "Slavic" in North German place names], in: Interferenz-Onomastik. Namen in Grenz- und Begegnungsräumen in Geschichte und Gegenwart [Interference onomastics. Names in border and encounter spaces in the past and present], Saarbrücken, 2011, pp. 313-331 [in German].
- Vitchak 1989 - Vitchak K.T.** O pervonachal'nyh venetah [About the original venets], in: Etimologiya [Etymology], 1986-1987, Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 107-114 [in Russian].
- Wołagiewicz 1981 - Wołagiewicz R.** Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej [Wielbark culture - problems of ethnic interpretation], in: Problemy kultury wielbarskiej [Problems of the Wielbark culture], Slupsk, 1981, pp. 79-106 [in Polish].

Zagorul'skij 2012 - **Zagorul'skij E.M.** Slavyane: proiskhozhdenie i rasselenie na territorii Belarusi [Slavs: origin and settlement on the territory of Belarus], Minsk, Belorusskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2012, 367 p. [in Russian].

ZHih 2014 - **ZHih M.I.** Slavyane i goty na Volyni i v Verhnem Podnestrov'e. Problema lokalizacii zemli Oium i «plemeni» (gens) Spali [Slavs and Gotha on Volhyn and in the Top Dniester. Problem of localization of the earth of Oium and «tribe» (gens) of Spali], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [The international historical journal «Rusin»], 2014, № 2 (36), pp. 76-103 [in Russian].

ZHih 2016 - **ZHih M.I.** Drevnie slavyane na Volyni (I tys. n.e.). CHast' pervaya [Early Slavs in Volhynia (1st millennium). Part one], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 1, pp. 110-143 [in Russian].

ZHih 2020 - **ZHih M.I.** Vostochnye slavyane nakanune gosudarstvennosti [Eastern Slavs on the eve of statehood], Moscow, Veche Publ., 2020, 448 p. [in Russian].

ZHuravlyov 1968 - **ZHuravlyov V.K.** K probleme balto-slavyanskih yazykovykh otnoshenij [On the problem of Balto-Slavic linguistic relations], in: Baltistica, 1968, Vol. IV (2), pp. 167-177 [in Russian].

Zolotaryov 1964 - **Zolotaryov A.M.** Rodovoj stroj i pervobytnaya mifologiya [Ancestral structure and primitive mythology], Moscow, Nauka Publ., 1964, 328 p. [in Russian].

Жих Максим Иванович

– Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh

– The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru